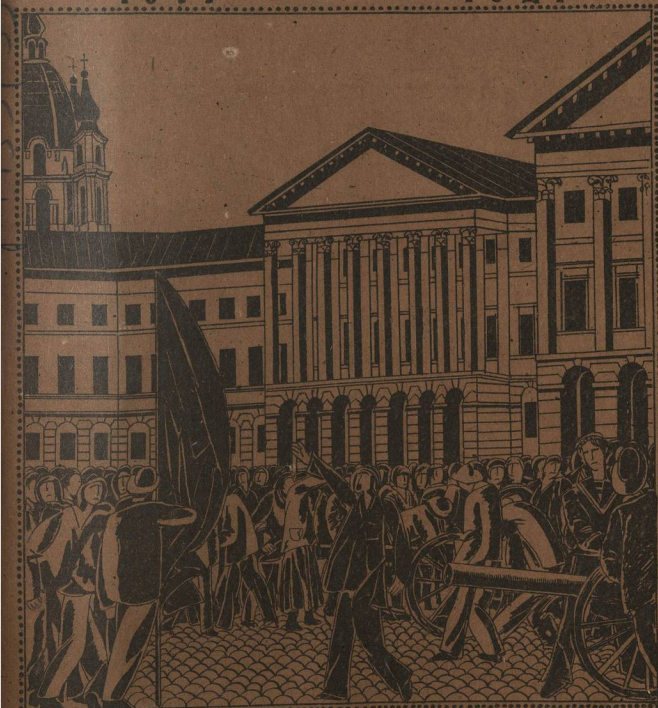

Р. С. Ф. С. Р.

ПРОДЛЖАЮТ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЮТСЯ

КРАСНОАРМЕЕЦ

1917 ОКТЯБРЬ 1921

1921

СМОЛЬНЫЙ В СЯКТАБРЕ.

№42-43

Красный воин всегда впереди.

В минуты самой острой опасности от белых генералов штык красноармейца отводил эту опасность от рабочих и крестьян.

Первый серьезный шаг по борьбе с разрухой в советской республике сделал красноармеец, держа про запас винтовку.

Голодный крестьянин в ряду посылающих ему помощь в первую очередь видит красного воина.

Красный воин всегда впереди в минуты опасности. Он всегда там, где страдает народ его, ибо сам красный воин является символом своего народа. М. Калинин

14/X 21.

В минуты самой острой опасности от белых генералов штык красноармейца отводил эту опасность от рабочих и крестьян.

Первый серьезный шаг по борьбе с разрухой в советской республике сделал красноармеец, держа про запас винтовку.

Голодный крестьянин в ряду посылающих ему помощь в первую очередь видит красного воина.

Красный воин всегда впереди в минуты опасности. Он всегда там, где страдает народ его, ибо сам красный воин является символом своего народа.

№ КРАСНОАРМЯЕЦ 42-43

ОКТЯБРЬ

ОКТЯБРЬ
1917

ДЕКАБРЬ

Россия.

Годы глухой дорогой,
Вехами монастырских глаз,
Кликушествова убого,
С причитаниями брела.

Смутным вопросом билась
У распятого Христа в ногах,
Поселками бродила,
Терялася на площадях...

С плеч — заплатка к заплате,
Заскорузлая рука, —
А у княжьей боярской знати —
Позумент, серебро, шелка.

С кистенем разбойным овраги,
Иль тягло с мякинным куском, —
А у князя с меда и браги —
Дом ходуном.

Ниже взор гочерисель!..
Слушают режц твои
Только торьмы «слова и дела»,
Только дебри да ковыли...

II.

Новгород вольный забыть ли?
Вече забыла ли ты
На перекрестке событий
Голода и маеты?..

Или под окрик Малюты,
Под Ивановским сапогом,
В пытке долгой и лютой
Выбили душу дубьем?..

Вспомнила.. и взвились плечи,
Окровавленная пыль...
На черной дороге столетий
Не ты ли, родная, не ты ль?..

Не татарского ордою,—
Мгла заволочла
Путь к солнечному покою
На заветный былинный клад.

Но за пытку и казни,
За анафему и за кнут,—
Широкогрудой Волгой Разин
Над тобой расплеснул Весну;

Он с набатным венчалным гулом
Нарядил в кумачи тебя...
Да забылась кабацким разгулом
Бесшабашная гольтьба:

Эх!.. да на могутные плечи
Вновь кандалы годов...
И чутки про вече речи,
И глуше шорох шагов...

III.

С покорностью забитой клячи
Пошла проселочным путем.
Жизнь стала мачехою мститель,
Судьба—слепым поводырем.

И рекрутчину лет Петровских,
И вдовью скорбь военных лет,
И крепостнические розы
На окровавленной земле,—

Так сиротливо, жалко, молча
Сносила все за годом год.
И песнь твоя не песня ль волчья
В глухую полночь непогод...

Под Николаевскую палкой
Звенели кандалы навзрыд.
Но в тусклом взоре искрой яркой
Тлея грозный и зловещий взрыв...

IV.

Не окольной дорогой—
К Солнцу напрямик пошла;
Бились над ней тревогой
Два заревых крыла.

Спутниками неустанно—
Виселицы да кресты.
В удупливых туманах
Вяли огни и цветы.

Над Пятым годом несмело
Шептала старуха-молва,

Что сердцем скорбящим сгорела
Окровавленная Москва.

Вновь над мужицкой грудью и пахотой
Разгулялась барская плеть...
О, долго ль сибирским трактом
Кандалным дням звенеть?!

Охнула Ленским расстрелом,
Задыхаясь и крича,
И взглянула лицом почернелым
В помертвелое лицо палача:

Перед грозовой тишью
Застыли дни... и вот—
Грозовым Трибуном вышел
На площадь Семнадцатый Год.

V.

Прокричали гудки городские
Над лохмотьями злплат:
— Лживы были сказки вековые
Про былинный клад!..

Захлебнулась Волга стоном,
Сердце жгет не хмельной огонь:
Бьет измызганную икону
Окровавленная ладонь.

Убаюкать ли колокольным боем
Эту боль разорванных мук?!
Всколыхнулись, как волны прибой,
Миллионы вытянутых рук...

За Москвою—Питер и Киев.
Стало явью, что было сном...
...Прокричали гудки городские
О великом исходе твоём...

VI

Над буйными кудрями Разина
Тревогу выплакал набат,
И Прошлое к позорной казни
Велет Кто был вчера распят,

Познавший заревые знаки
В тоскливой тьме кротовых нор,
Развевший сомнений накипь
И солнцем озаривший взор.

Над городами и полями
Грозой весенней зов звучал:
— Из глухоты болот—за нами!
К нам под знаменный звон дуча!..

VII.

От Москвы до Питера,
За Уралом, за Днепром,
От Ивана до Петра
Небо вспыхнуло костром.

То не бор под пушкою,
Не под бурю трава,—
Закачалась Москва
Ивановской макушкою.

Втихомолку ахала,
Как скатилась в три дня,
Тысячу лет ношенная
Шапка Мономахова...

VIII.

Над кем же каркающий ворон
Кружит в пылающей заре?
Кто с гнусным гнойным темным взором
У светлых запертых дверей?

Там, позади—топор и плаха,
И впереди—палац и плеть...
Вновь призраком со взором страха
Русь прошлая в дорожной мгле...

Перед дворянским комиссаром
У разоренных никла хат,
Под самогоничным угаром
В каких-то каялась грехах;

На жарких митингах потела,
И стихла, полная забот,
Перед заводом опустелым
У заколоченных ворот.

Дни огнекрытою тревогой
Затрепетали над тобой.
Заржавленным немым острогом
Стал Замок сказки голубой...

IX.

Пусть взвизгивают на рубежах пули:
Сбрасывайте хмурых дум груз!..
Сегодня покроем Будни улиц
Лазурью блуз...

Россия!..
Не довольно ль стснала
Грудью загубелой в оковах?!

Молотом Интернационала
Бей
В рабскую седину веков...
Сжигай вулканами восстаний
Гниль,
Страх,
Лень,
Сон!!
На подороге не встанет, не встанет
Революций огненное колесо!..

Полно сомненьями печалить!
Вспыхнувшим сердцем в борьбе не лгу:
Тебе ли кричать о причале
К мертвому возвратному берегу?!

Русь прошлая!..
Мечтающая о Христе,
Разбивающая у икон лбы,—
Разве не видишь?..—Это он на кресте
Борьбы...
Слышишь?
Трубами бурь кличет
Над голодом и болью воспаленных ран:
—Взрывайте троны Их Величеств,
Пролетарии всех стран!!

X.

В язвах, в тифу, в холере—
Тысяча-сотый день.
Но чем же, чем измерить
Пройденных высот ступень?

Мускулы голод гложет,
Сердце на знойном острове.
Но первым камнем заложено
Грядущее в Октябре...

Сравнивайте и мостите
Пропасти наций и рас.
Евангелие старых истин
Срывайте с прозревших глаз!..

Сердце кричать не устанет,
Ураганами не задушить
Пылающий крик восстаний
И взлет окрыленной души.

Сердце Интернационала—Кремль.
Красным исходом—Москва...
Как в море, в мире не дремлет
России Девятый Вал...

С. Обрадович.

ЧЕТЫРЕ ГОДА.

Наше международное положение.

четыре года тому назад, 25 октября 1917 г. рабочие, солдаты в Питере свергнули буржуазно-соглашательское положение правительства и взяли власть в свои руки. В этот день Россия перестала быть Россией капиталистов и помещиков и стала государством рабочих и крестьян.

Мы были одни, когда начали нашу великую борьбу. Пролетарии других стран в то время были в мире со своими угнетателями и в войне друг с другом: опьяненные кровью, оглушенные шумом орудий и одуряченные своей буржуазией они не услышали брошюрного им через головы их правительство нашего призыва:

— Долой войну национальную! Да здравствует гражданская война.

Губящая их война казалась им спасением. Спасаящая их революция — гибелью.

Русская революция не встретила тогда поддержки за границей, но и русская контр-революция в первое время не могла получить помощь от заграничной. Война связывала руки заграничным капиталистам: она мешала им задуть Советскую Россию.

Но международная буржуазия опередила международный пролетариат в классовой борьбе. Она очень скоро увидела, что революция в Советской России в конечном счете грозит ей большими бедами, чем война на ее собственной земле. И еще раньше, чем окончилась эта война, заграничные империалисты уже начали наступление на революцию.

Первым выступил наш ближайший сосед — германский империализм.

Руками своих пролетариев — солдат он задумал революцию, вспыхнувшую в Финляндии, и начал стягивать удавную петлю вокруг Советской России. Вскоре его примеру последовала и Антанта. Был период, когда два империализма, стараясь удуть друг друга, в то же время трогательно объединились в борьбе с нами.

В одно и то же время немцы поддерживали контр-революцию на юге России, а Антанта организовала чехо-словацкий мятеж, высадила войска в Мурмане и помогала сибирской, уральской и самарской контр-революции, но это не прошло даром нашим врагам. Германский империализм, аннексируя наши области, аннексировал и нашу революцию. В конце 1918 г. пораженный ударами с двух сторон, он сошел со сцены.

Война окончилась. Антанта торжествовала победу. Но торжество вышло не очень веселым: победа привела к тому, что у победителей под боком появились ненавидимые советские; правда, соглашательские, правда, безвредные для буржуазии, но... рабочий класс в Германии уже проснулся. В Берлине начались бои со спартаковцами, в Баварии и Венгрии образовались советские республики, в Австрии и Болгарии тоже было «неблагополучно».

Хлопот у Антанты оказалось по горло: ей пришлось оккупировать своими войсками чуть ли не все страны центральной Европы. Общими силами победителей большевистский пожар, занимавшийся в побежденных странах, был потушен в крови рабочих этих стран.

Антанта «работала» на Западе, но она не забывала и нас: она продолжала слать войска на Архангельский фронт, помогала Колчаку на востоке и поддерживала на юге добровольцев.

Но в это время уже поднимал голову пролетариат западных стран. Он уже начал понимать, кто его настоящий враг и кто друг и громко протестовал против похода на Советскую Россию.

Международная буржуазия для борьбы с пролетариатом создала в 1919 г. Лигу Наций. Но в этом же году родился и мировой союз пролетариев для борьбы с буржуазией — III Коммунистический Интернационал.

Буржуазное правительство стран-победителей, ограбив побежденных, сумело на время остановить развал, грозивший им после мировой войны. Им удалось, хотя и с большими усилиями, провести демобилизацию

обеспечить безработных и, не отнимая у рабочих брошенных им во время войны подачек (повышенная заработная плата, право коллективных договоров и пр.), перевести свою промышленность с военного на мирное положение.

Экономический пролетариат этих стран еще не был готов к революции, но политическое сознание его было уже пробуждено; его классовое чутье подсказывало ему, что поход Антанты против Советской России это начало похода на него самого.

Вот почему в этот период борьба пролетариата с буржуазией сосредоточилась вокруг интервенции. Эта борьба захватила широкие массы рабочих Англии, Франции и др. стран.

Кто победил в этой борьбе?

Вот ее результаты. В 1919 г. французские войска покинули Одессу, американцы ушли из Сибири и Архангельска, за нами последовали англичане, и ко 2-му съезду III Интернационала война с Антантой была окончена. Но прекратив войну сама, Антанта еще некоторое время продолжала воевать с нами руками польских и крымских белогвардейцев, снабжая тайком и Польшу и Врангеля деньгами и оружием. Но «шила в мешке не утаишь». Рабочие стран Антанты и Центральной Европы, узнав об этой «подпольной» войне, решили во что бы то ни стало ей помешать. Они задерживали поезда с оружием, отказывались грузить его на суда и разгружать с судов. Несмотря на это, нашим врагам разными путями все же удалось провезти много оружия и хорошо вооружить польскую армию.

Польша и Врангел были последними ставками Антанты в вооруженной борьбе с Советской Россией. Но и эти ставки не принесли ей выигрыша. Война с Польшей окончилась вничью, а крымская контр-революция была сметена Красной армией в Черное море. Интервенция сорвалась. Что оставалось делать нашим врагам: не воюя с нами продолжать держать нас в военной блокаде? Но внутреннее положение в странах Антанты уже было таково, что не позволяло нашим врагам отнавиваться на подорожье, от войны к миру.

Победители, разорив до тла побежденных, сумели восстановить свою промышленность. Но этим самым они подорвали в

корне свою торговлю: они лишили себя покупателей.

Еще год тому назад во всех передовых странах начался жестокий промышленный кризис. Этот кризис все растет. Товары наводняют рынки. Цены падают. Фабрики и заводы закрываются. Рабочие выбрасываются на улицу. Число безработных все увеличивается и буржуазия уже отказывается их кормить; фабриканты понижают заработную плату, расторгают коллективные договоры. Рабочие отвечают на это забастовками и попытками захвата фабрик. Мир с буржуазией на Западе уже нарушен; почва там уже сотрясается от первых ударов гражданской войны. Заграничной буржуазии нужна теперь торговля с Советской Россией, как громоздков против революции у себя дома; ей нужен мир с нами для войны со своими рабочими. И буржуазные правительства теперь одно за другим заключают с нами торговые соглашения.

Международный пролетариат выбил оружие из рук наших врагов. Он оказал огромную помощь Советской России. За этот последний год он вырос, окреп и тем не спаялся со своим авангардом — русским пролетариатом. На 3 Съезде Коммунистического Интернационала он уже выступил как организованная боевая сила в 20 миллионов человек. Советская Россия подперла теперь огромную армию. Мировая революция сличивает свои силы и готовится к решительному бою.

А мировая контр-революция?

Промышленный кризис подорвал не только экономическую мощь мировой буржуазии, он подорвал и ее политическую мощь.

Бешеная конкуренция, начавшаяся на мировом рынке, превращает недавних друзей в ожесточенных врагов. Англия уже ссорится с Францией, Америка показывает кулак Японии. Одним нужно с нами торговать, другие все еще хотят воевать. Антанта перестает быть Антантой¹⁾; от Лиги Наций остается один пустой звук.

Последняя попытка, принятая Францией натравить на нас Польшу и Румынию, — попытка, не встретившая сочувствия в других странах, особенно ясно показывает, что в стране наших врагов нет уже единодушия даже и тогда, когда дело идет о борьбе с Советской Республикой.

¹⁾ Это слово по-французски значит — соло.

Таково наше международное положение к концу четвертого года революции.

Мы переживаем момент, когда мировой империализм от наступления на русскую революцию переходит к обороне.

Но это еще не значит, что наступательная энергия его до конца исчерпана.

Попытки наших врагов вовлечь нас в новую войну могут еще повторяться не один раз.

Мы должны быть готовы ко всему.

Н. Горлов.

Гражданская война.

25 октября 1917 г., в день великого рабочего восстания буржуазия растерялась и отдала нам власть почти без боя. Она была ослаблена неудачами на фронте, дезорганизована корниловской авантюрой и не подготовлена к решительному отпору.

Но уже на другой день наши враги повеселились и с ехидной улыбочкой смотрели, как рабочие, солдаты и матросы брались за управление страны.

— Где им, чумазым! Их власть на три дня... Есть еще козыри у нас в руках: есть у нас меньшевики, эс-эры и вся революционная демократия, есть саботажники и заговорщики, есть юнкера, ударники, казаки и офицеры, есть учредилка и сколько угодно «белых генералов». За нас ученые и попы, за нас голод и разруха. Наши союзники — косность, невежество и темнота народных масс. И, наконец, наши самые могучие союзники — «союзники», а на худой конец и те самые немцы, с которыми мы еще вчера призывали воевать «до победного конца» русский народ. Ну что-ж, мы теперь призовем немцев воевать до победного конца с русским народом. Пусть же козыряют чумазые — мы можем потерпеть: игра будет наша. Буржуазия ошиблась в расчете. Она хорошо знала свои козыри, но не видела наших. Но в одном она была права: борьба нам предстояла тяжкая, трудности пред нами были огромные.

Нам пришлось выдержать борьбу со всеми партиями в стране от черносотенцев до анархистов. Против нас были помещики, фабриканты, кушцы, чиновники, офицеры, попы, лавочники, кулаки и огромная часть интеллигенции, значит — все те, кто хозяйничал раньше в стране, в чьих руках были все средства, все знание и весь опыт управления миллионами людей и миллионами богатств. Нам никто не передавал государственного аппарата: нам пришлось вырвать его из рук купленных буржуазией саботажников и строить его почти заочно нашими неуемными руками.

Нам пришлось разрушить целиком старую армию, чтобы создать новую. Нам пришлось на первых порах воевать без командиров, без

пушек, без кавалерии, без обозов, без всяких запасов оружия и продовольствия. Нам пришлось работать без хлеба.

В борьбе с нами буржуазия использовала все свои знания и все свое искусство обманывать и дурчить темный и нищий народ, не даром ведь она веками держала его в темноте, уча только одному — меньше думать и меньше учиться. Разжигая в нем национализм, религиозную нетерпимость, шкурнические инстинкты, рабский страх и ненависть к революции, она вооружала рабочего против рабочего и крестьянина против крестьянина.

Малочисленная сама, она создавала многочисленные армии и бросала их одну за другой на наши красные отряды.

Разбитая в центре она бежала на окраины, потеряв почву в одной области, перебиралась на другую; наконец, разгромленная во всей стране, собиралась по ту сторону наших границ и там, с помощью заграничной буржуазии, создавала новые полки, новые армии душителей революции.

Не осилив нас сама, она призвала на помощь заграничных разбойников.

Борьба, которая, казалось, уже приходила к концу, закипела с новой силой. Мы были окружены со всех сторон, нашим фронтом была вся наша граница, нашими врагами — все национальности. Из далеких стран корабли везли белые, желтые и черные войска, и высаживая на наших побережьях, гнали в бой против нас. А в тылу у нас то и дело возникали заговоры, вспыхивали восстания, образовывались новые вражеские фронты и цитадели. Здесь орудовал перекрашенный «черный», «белый» и желтый» враг; он пролезал в наши учреждения, проникал в Красную армию, шпионил, агитировал, предавал и вносил в наши ряды разложение, панику и смерть.

Едва ли была когда-либо на свете власть, которая выдержала бы столько ударов, едва ли была армия, на которую нападало бы столько врагов.

Но Советская власть выдержала, Красная армия отбила все атаки.

В чем же наша сила?

Наша сила — в революции. Революционный народ страшен для своих врагов. Революция удешевляет его силу, его энергию, она сплачивает, организует народные массы, тысячи и миллионы душ она превращает в одну душу. Наша сила — в тесном союзе рабочих и крестьян,

побед. Это — армия, которую тяжкий молот войны ковал в течение четырех лет и теперь она выкована в такую силу, с которой не сравнятся ни одна армия в мире.

Наша сила в нашей правде, которая открывает глаза всем трудящимся мира и создает нам армии в стане наших врагов.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Митинг.

объединенных вокруг коммунистической партии, подлинной, боевой партии рабочего класса, у которой в самые опасные моменты мысль ясна, сердце спокойно, рука тверда. Наша сила в нашей Красной армии. Эта армия, рожденная под призывные гудки фабрик, — плоть от плоти рабочего класса; впитала в себя всю его мощь, его энергию, упорство, мужество и волю к

Вот наши «kozyри», которыми мы поили буржуазию в затеянной ею кровавой игре.

Не захочет ли она начать игру снова?

Пусть знает: наши козыри все при нас.

Пусть знает: Красная армия стоит на страже наших границ, коммунистическая партия тесно сплавляет и организует трудовые ряды, Союз рабочих и крестьян крепнет, революция живет.

Наша экономическая политика.

Почти четвертьвековая гражданская война, которую вынудила нас вести наша и заграничная буржуазия, наложила печать на всю нашу экономическую политику.

Советская власть, приступая к социалистическому строительству после 25 октября, не думала вовсе ломать сразу весь старый хозяйственный аппарат. Чтобы вырвать из рук буржуазии ее главное оружие, — крупный капитал, — она национализировала банки и самые большие предприятия, но она не трогала мелкую промышленность и торговлю.

Но мелкая буржуазия с первых же дней выступила против нас как враг, вместе с крупной. Она не хотела мира с нами, она хотела войны.

Мелкий промышленник и торговец так же, как и крупный, не хотел подчиняться нашим декретам, нашему контролю, он прятал продовольствие и товары, сплось и рядом сам закрывал свое предприятие и бежал к нашим врагам; или же вместе с другими контр-революционерами подкапывался под Советскую власть в тылу, участвуя в белогвардейских заговорах и воистиняках.

Советская власть вела войну. Ей нужно было кормить, одевать и вооружать Красную армию, ей нужны были хлеб и другие сельско-хозяйственные и промышленные продукты. Но страна была истощена еще прежней империалистической войной; мелкая же буржуазия — кулак в деревне, лавочник и промышленник в городе вместо того, чтобы помочь стране и армии, прятали хлеб и товары и спекулировали на общей нужде и голоде.

Советская власть была вынуждена от национализации крупных фабрик и торговых предприятий перейти к национализации мелких и запретить свободную торговлю хлебом и другими предметами первой необходимости.

После четырех лет войны, в крестьянской стране, отрезанной от всего мира, мы не могли и думать о том, чтобы вырвать сразу все корни капитализма и превратить все наше хозяйство из капиталистического в коммунистическое. Неподготовленные к настоящему коммунизму, т. е. к организованному и правильному производству и распределению всех продуктов между всеми гражданами страны — мы вынуждены были ввести военный коммунизм, т. е. приступать к принудительному выкачиванию из деревни хлеба, к национализации и реквизиции всего того,

что нужно было для армии, для войны. Нам нужно было извлечь из страны все запасы, использовать все средства, чтобы отстоять нашу республику от врагов. Мы знали, что от этого страдало хозяйство страны, что она истощается еще больше, что земледелие и промышленность не могут развиваться при таких условиях, но у нас не было выбора. Мы знали, что если придет враг, то он не только не поможет рабочим и крестьянам выбраться из нужды, но он их дочиста ограбит.

Почти четыре года шла война и все эти четыре года наша экономическая политика стояла под знаком войны. Она была неизменна. Теперь она круто изменилась.

Что это значит? Изменили ли мы себе? Свернули ли с того пути, который раньше признавали правильным? Нет, наоборот, мы как раз теперь вступили на тот путь, который всегда считали правильным и с которого нас вынудила свернуть война.

Мы вступили на путь к подлинному коммунизму. Коммунизм это — учет и контроль. Это — правильное и организованное производство и распределение. Это — высокая производительность труда. Это изобилие и богатство страны.

В нищей и голодной стране не может быть никакого коммунизма.

В той обстановке, в тех условиях, которые создались вокруг нас (капиталистическое окружение, голод и разруха), путь к коммунизму для нас только один: твердо охраняя пролетарскую власть, прежде всего поднять земледелие, поднять промышленность и вывести во что бы то ни стало нашу республику из нужды и нищеты.

Советская власть, оставив сейчас в руках пролетарского государства все то, что было раньше достоянием крупного капитала — самые большие, самые организованные и совершенные предприятия — фабрики, заводы, копи, железные дороги, крупный водный транспорт и внешнюю торговлю, — все остальное отдает в аренду кооперативам и частным лицам. Взятая с каждого производителя — земледельца, промышленника и с каждого торговца налог в пользу государства, она разрешает свободную торговлю на рынке.

К чему это ведет?

К тому, что, обеспечивая за рабочим классом экономическую власть над буржуазией (крупный капитал остается в его руках), мы разгружаем го-

сударственные органы от огромной кропотливой работы, от мелкого хозяйничанья и даем им возможность все свое внимание, все силы и все средства отдавать крупной промышленности; этим мы скорее всего добьемся того, что рабочие не будут нуждаться в хлебе, фабрики—в топливе и сырье и наша промышленность заработает по-настоящему. Вместе с тем, допуская к производству и товарообмену частного предпринимателя, мы достигнем того, что производительность всей нашей страны станет повышаться, запасы хлеба, угля, железа и всяких товаров станут расти. А это как раз нам и нужно. Пусть ни одна фабрика не стоит без дела, если она может производить товары и снабдить хоть чем-нибудь нашу обнищавшую страну.

Крестьянство Советской России, которое во время войны несло большие жертвы, теперь получило большое облегчение: разверстка на хлеб заменена налогом; крестьянин теперь может продать излишки своего хлеба на рынке и ему выгодно теперь засеять хлеба как можно больше. Но выгода от этого и для всей страны: она обогащается хлебом.

Правда мы знаем, что сейчас при продаже хлеба и др. товаров из-за большой нужды в них идет большая спекуляция. Расгуст капиталы, нарождается новый капиталист. Но этот мелкий капиталист теперь нам не страшен.

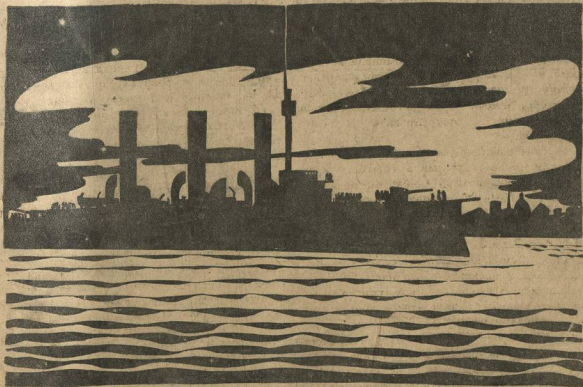
Крупная промышленность если нам удастся ее наладить (а это нам непременно удастся, потому что теперь мы все свое внимание и энергию будем отдавать ей)—это огромная сила в наших руках. Повышая работу наших фабрик и выбрасывая на рынок все больше и больше дешевых товаров, мы этим путем—путем мирной конкуренции—скорее и вернее уйдем спекуляцию и уничтожим капитализм, чем всякими боевыми мерами.

Наш нынешний путь это—путь борьбы с капиталистом не на боевом поле, а на свободном рынке.

На этом пути нет эффектных сражений и громких побед. Но каждая вновь пущенная и хорошо работающая государственная фабрика—наша победа. Каждый выпущенный этой фабрикой паровоз, плуг, серп и даже гвоздь—удар по капитализму.

Будем же бить чаще, крепче, дружнее.

Н. Надендин.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

На площади.

Октябрьские сонеты.

I.

И некий день над сонною столицей
Воздвигла мгла сырого октября.
Крик, шум, стрельба и страх на лицах
И заревом повисшая заря.

И смерть приносят хладные моря,
Тая судов слепую вереницу.
Вдруг темною зловещей птицей
Взвилось Отчаяние над дворцом Царя.

Туман немолчно шьет и строчит
Железный Вышиватель, и пожар
Над улицами шумными клокочет,

Лелея семя неизвестных кар;
И сумрак находящей тихо ночи
Готовит новый и решительный удар.

II.

.....Пойдем туда, где древние колонны
Хранят следы бывшего мятежа.
Шум голосов в покоях тронных,
На страже штык немого латыша.

Бестрепетна мятежная душа
На гранях вечности бездонных.
Здесь в муках смертных новые законы
Сейчас родит вчерашняя межа,

.....Высокий лоб, лицо калмыка,
Суровой веры пламенная речь!..
Вчерашний хаос, темный и безликий,

Заносит здесь окровавленный меч,
Чтоб в схватке беспощадной, дикой
Иль мир освободить иль мертвым лечь.

Ф. Андерс.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ДВОРЕЦ

I.

коло загородного дворца стоял в одиночестве старый кудрявый дуб. Много бурь и непогод видел он на своем веку—не сокрушили они его величавую мощь.

Некогда посадил его самодержавный император, топором и дубиной обуздавший своевольную Русь.

Рос старый дуб, пуская молодые побеги,—годы вереницей проносились мимо него. И то, чего не сделали ни черная буря, ни острая молния, ни златный вихрь,—то совершил неутомный работник—земной червь, медленно, постепенно источивший сердцевину богатыря. Так время коснулось его.

Пришел садовник, лысый старик, в больших круглых очках. Постучал палкою по дубу:

— Дупло... Надо обруч надеть.

Решил это—ушел. Через день на матерый дуб, точно на дряхлого витязя броню, наковали железо—в трех местах, чтобы не рухнули ветви, чтобы не распался от немощи он.

Однажды, прогуливаясь по песчаной дорожке, перед дубом остановился владелец дворца, могущественный князь. Был он тщедушен и слаб, потомок изнеженного рода. Старый, морщинистый, с трясущимися руками, но в изысканном костюме, он помахивал тросточкой и зевал: все ему надоело, ничего он не умел делать и ничего не хотел.

Приставив к глазу стеклышко, князь постучал дуб золотым набабдашкинкой трости и подумал: «Еще жив, а сердце уж умерло»...

Ловко выкинув стеклышко из глаза, князь вернулся в свой дворец. И он думал о своем старом роде,—что и он, когда-то прославленный, тоже пуст и сердце его тоже давным-давно умерло.

II.

Белый, легкий в сочетаниях линий, дворец издали казался волшебным; его высокие окна при свете заходящего солнца розовели, как щеки стыдливой невесты. Вокруг него стояли мраморные статуи; среди цветочных газонов и клумб били фонтаны; черные лебеди плавали

по пруду, где отражались в зеркальной поверхности—бронзовый двуглавый орел наверху дворца и трехцветный штандарт.

Внутри дворец был полон чудес: его пол изображал искусно сложенные из драгоценных пород дерева затейливые узоры, замысловатые гирлянды, вазы с цветами,—казалось святотатственным попирать этот пол. Стены дворца были расписаны лучшими художниками минувшего времени; потолок был покрыт картинками, переносившими мысль обитателя дворца в какой-то иной, нездешний мир. Наполненный всевозможными произведениями искусства, дворец был похож на большую бездушку, на выточенную из слоновой кости коробочку, в которой заключены бриллианты, сапфиры, аметисты и лунный камень, нежно мерцающий при луне.

Все множество комнат занимал князь, пребывая в гордом одиночестве. Лакеи в пестрых livреях стояли у дверей; подъезд дворца охранялся швейцаром с толстою позолоченной булавой в руке.

Старый дуб, окованный в трех местах железными обручами, шумел в непогоду листвою, заглядывая в широкие окна. Он видел пары, от скуки устраиваемые князем; видел оголенных женщин в балхных платьях, нарядных мужчин; слышал звон бокалов, наполненных пенящим вином, и звуки оркестра.

...И вот—как-то бурною ночью старый дуб, изжив былую богатырскую силу, с грохотом пал на землю, захлестывая ветвями стену дворца. Он сорвал при падении золоченый карниз, водосточную трубу и разбил стекло в окне.

Утром, когда буря стихла, вышел одетый в бархатную курточку князь. Вскинув монокль в глаз, он посмотрел на дуб и наступил на его ветвь ногою:

— Не подымется... Уберите его,—распорядился князь и опять подумал о своем роде и отзвучавшей славе его.

Пришли рабочие с пилами, распилили дуб, увезли в дровяной сарае, как на кладбище; остался широкий безобразный пень, наполненный в середине гнилой. На этом пне развели костер и выжгли его до корней.

III.

...Бура пронеслась по всей стране, всюду сметая все старое, источенное терпеливым червем времени.

Поспешно уезжал князь из дворца; слуги густеряно толпились у автомобиля. Князь вышел с саквояжем в руке—в саквояже были деньги и драгоценности.

— Продайте, — сказал князь, сев в автомобиль. — Храните дворец.

— Счастливого пути, ваше сиятельство, — пожелали слуги; шоффер нажал гудок. С протяжным воем автомобиль пронёсся по липовой аллее и исчез.

Слуги прикрыли окна дворца деревянными ставнями, и стал он темн и безлюден внутри.

Через несколько дней, после отъезда князя, у дворца появилась толпа солдат с красными знаменами. Некоторые из них шли пешком, другие ехали на лошадах; они были грязны и оборваны, лица их были утомлены, глаза злобно блестя. Четыре года эти люди дрались с неприятелем, четыре года голодали в сырых окопах, ходили по полю смерти с винтовкою на перевес; кололи подобных им, усталых и измученных неприятельских солдат.

Через четыре года, когда многие-многие из них легли на дальних полях, когда большинство из них было переранено, простужено, исколечено, — через четыре года оказалось, что обманом привели их на братоубийственную войну, обману служили они и ради лжи умирали. Тогда перебили они своих офицеров и пошли домой, пылая неумолимою ненавистью к богатым людям, увлекшим их на войну.

Проходя мимо дворца, они сложили ружья в козлы, поставили с четырех сторон дворца часовых с пулеметами, а один из них поднявшись на садезую скамейку и обратился к толпе:

— Товарищи, — говорил он, потрясая кулаками, — в этом дворце жил один из наших палачей. Кто послал нас на войну? Ради кого мы воювали? Ради кого гибли в болотах и лесах? Кто выпил нашу кровь? Кто погубил ваше тело? — Они! Они!.. Они обжирались вкусною пищею, когда мы падали на землю от голода; они опивались вином, когда мы мерзли от холода; они плясали и забавлялись, когда мы шли на смерть. Смерть за смерть! Смерть им!

— Смерть им! Смерть! — грянула толпа.

— Долой дворян! Долой богатей!

Оратор продолжал:

— Смотрите. Столетия они грабили народ; последнюю корку отнимали у нищего, чтобы

построить этот дворец... Здесь наша кровь—в этих кирпичках; здесь наши кости замурованы... Дворец наш, и мы теперь возвращаем его себе.

Оратор спрыгнул со скамьи, толпа зарукоплекскала.

Двери дворца разлетелись под прикладами; ставни были сорваны с петель; окна выбиты; ревущим потоком толпа ринулась в торжественные залы, топчя драгоценный паркет и бранная оружием.

Застонали шкафы и ларчики, разбиваемые штыками и прикладами.

Портреты старых великож и самодержавных царей презрительно надув губы, смотрели со стен.

— Это кто? — спросил пулеметчик.

— Екатерина Великая.

— Коли ее!

Его товарищ проколол ей глаза штыком.

Три дня продолжался разгром; солдаты спали на княжеских постелях, валялись на рисунчатом загрязненном сапогами полу. Они сорвали с дворца трехцветный штандарт, отбили головы двухглавому орлу; многие бронзовые статуи они искололи штыками, у многих мраморных богинь они отбили носы.

К концу четвертого дня во дворец въехали на черном коне тот солдат, который говорил речь.

— Смир-но! — закричал он.

Толпа притихла.

— Выходи из дворца, товарищи! Выходи все!

Он проехал по всей амфиладе комнат—въехал в один подъезд, выехал через другой.

Солдаты покинули опустошенный дворец.

IV.

Немного поодаль от того места, где когда-то вызвышся старый дуб, рос маленький его потомок, тонкий дубок, величиной с человеческий палец. Он едва выглядывал из травы, но настойчиво тянулся к солнцу, дающему большиим и малым существованье жизнь.

Во время разгрома дворца неосторожная нога на него наступила и прыгнула к земле, но он был еще так тонок и мал, что быстро выпрямился опять.

Когда слуги заколачивали досками разграбленный дворец, чтобы в него не лезли дети и ветер не наметывал листву—лысый садовник в круглых очках заметил дубок и подумал:

— Старый умер, а маленький хочет жить...

И он воткнул в землю рядом с дубком палку и бережно привязал к ней дубок, чтобы его опять не потоптали.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

В Смольном.

Слуги, заколотив дворец, ушли. В будке, сколоченной из старых досок, остался сторожевой охранять остатки бывшего великолепия.

Наступила осень. Листья пожелтели в задумчивом парке, опала на заглохшие песчаные дорожки, которые некому было разгребать. Она же, оранжевая, багряная, желтая осенняя листва дождем опадала и на поверхность пруда, где более не плавали черные лебеди, застреленные солдатами.

...Ветер свистел сквозь щели ставень дворца и по ночам туда заглядывали сумрачные тени...

Потом налетела зима; прикрыла белым саваном все — дорожки, ветви деревьев, крышу дворца.

Слуги в своих домах все ожидали возвращения господина; заходили друг к другу и, осмотревшись по сторонам, осторожно перешептывались:

— Где он?

На юге будто бы...

Они качали покорными головами и обменивали печальными думами:

— Погиб дворец!

— Пропал навсегда!

— Была красота, да не воротится. От новых нечего ждать.

В серых сюртуках с орлиными пуговицами, походившие один на другого, слуги казались зло-

вещными птицами, каркающими на кургане воителя.

Весной, когда зажурчали ручьи, когда солнце бросило на землю вешний радостный луч, среди слуг прошла молва:

— Расстрелян князь!

— Не вернется назад.

— Нечего и ждать.

Многие уехали со своими пожитками из насиженного места искать нового труда; другие упрямо остались, привязанные темным чувством к дворцу, с которым сжились. Были и такие среди них, которые со слабой надеждой говорили:

— На что-нибудь дворец да употребят...

— На конюшню, вот на что...

— Нет, все-таки будем ждать.

Когда стали снега, но земля еще не просохла, — пришел во дворец неизвестный молодой человек в солдатской фуражке, в высоких сапогах, с портфелем под мышкой. Лицом был он чист, волосы русые, глаза голубые, на верхней губе темнели недавно пробившиеся усы.

— Покажите, товарищ, дворец, — сказал он сторожу.

— А вы кто?

— Вот мой мандат.

Он протянул сторожу какую-то бумажку, которую тот по безграмотности не мог прочитать.

Зазвенели ключи. С глухим скрипом открылись двери дворца. На вошедших пахнуло сыростью, как из открытой могилы. Всюду на загроможденном полу валялись осколки стекла, куски рваной материи и щепки.

— «Товарищи» все наделали...—со злородством сказал сторож, идя по следам молодого человека и подозрительно поглядывая на него.

Тот усмехнулся и ответил:

— Если слишком натянуть струну, то она лопнет... Так и народное терпение.

Все осмотрев, что-то записав в книжку молодой человек ушел и сказал, что он скоро вернется. Так и случилось. Он поселился около дворца и объявил старым слугам, собрав их всех вместе:

— Слушайте, товарищи. Князя вашего нет. Забудьте о нем, дворец принадлежит теперь народу! Кто хочет служить республике, тот может остаться при дворце.

Старые слуги сперва недоверчиво молчали, потом решили—слушать.

V.

Работа во дворце закипела. Весь сор был выметен и сожжен недалеко от того места, где рос старый дуб. Ободранную мебель слуги вынесли в сарай, уцелевшая была искусно расставлена по новым местам. Потом были вставлены стекла в окна, обмыт и наводнен прекрасный пол.

Не прошло двух месяцев, как дворец был приведен в порядок, ожил и словно облегченно вздохнул. В открытые окна светило улыбающееся солнце, его лучи скользили по наводченному полу, как будто светлые ножки, танцующие старинный танец минуют.

Опять на потолке красовались картины; опять летные птицы в углах потолка держали изогнутыми клювами летные же колокольчики. Опять в оправленных бронзой зеркалах отражались вереницы светлых и просторных комнат. И—странно—оказалось, что дворец почти не пострадал от разгрома.

— Ваш князь, — нахмуясь, говорил слугам молодой человек, — был жалкий обыватель. Он

жил в этом дворце, который прекраснее храма, — и своим убогим вкусом портил его.

Он показан на гвозди, вбитые в покрытые орнаментами стены:

— Это что?

— Здесь висели портреты родителей его.

— Ага, а эти орнаменты во сто крат лучше всех его родителей вместе, их создал гениальный дворец вдохновенною кистью. А это что?

— Здесь стояла его кровать.

— Болван! Он заставил его лучшую часть паркета. Смотрите, каким стал теперь дворец: он почти пуст, но не жалейте, что мебель

испорчена, она и не нужна здесь, — благодаря ее отсутствию дворец светел и просторен и видно все многообразное мастерство его творцов.

И дальше молодой человек объяснил, что дворец создавали не только именитые художники, украсившие его орнаментами и стенописью, — но и многие безвестные мастера с мозаистскими руками — столяры, позолотчики, резчики, граньщики, полировщики, — те, чьи имена позабыты, но чье общее имя — Народ.

— Это так! — Это правильно! — соглашались старые слуги.

Приведя все в порядок, молодой человек объявил, что отныне дворец становится музеем, в него будут ходить все, кто поже-

лает, — надев в передней на сапоги войлочные туфли, чтобы не повредить рисунков пола.

После того работы были перенесены вне дворца. Опытные скульпторы поправили статуи. Оказалось, князь мало понимал в скульптуре: рядом с прекрасными статуями в парке стоял на пьедесталах и всякий хлам, который теперь был унесен в сарай.

И были опять расчищены дорожки парка и опять забиты фонтаны. Вместо черных лебедей по зеркальной поверхности пруда горделиво плавали три белых лебеда, изогнув свои, стройные шеи.

...Молодой дубок тянулся к солнцу зеленою кистью, нежно и прозрачной, как детская рука

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

из окна.

VI.

Прошло много лет: не мало воды утекло в синее море; юные состарились и покрылись сединами.

Молодой дубок расклянулс я могучим кряжистым дубом, как его почивший предок, он касался стей дворца зелеными листьями, заглядывая в окна. Он видел там толпы людей, одетых красиво и просто,—они проходили по просторным комнатам дворца, любуясь его красотой. Их вел сгорбленный старик, постукивая камышевой палкой.

— Во время Великой Революции, давшей нам освобождеение,—объяснял старик,—дворец

был разграблен восставшим народом, но, к счастью, это не повредило его и он сохранился для поколений. Рассмотрите внимательнее его—многое в прошлом надо осудить, но гений человеческий не знает времени: поклонитесь же минувшей красоте, ибо из нее вырастает грядущая красота.

Так он водил посетителей по дворцу, постукивая палкой; а вне дворца—по аллеям и около пруда—гуляли другие толпы, толпы свободных и равных друг другу людей, их лица были светлы, а взоры открыты.

Б. Верхоустинский.

Гимном труда наполним
Город, деревню, поле!
Творчество в блеске молний
Мы обвенчаем с волей.

Руки работы ищут.
Нам ли застыть в покое?
Смятых веков кладбище
Сонмом дворцов застроим.

Кровью своей согреем
Холод камней и стали.
Мы ли труду изменим?
Мы ли в борьбе устали?

Все, что в былом томило,
Меркнет во тьме столетий.
Юных волнует сила.
Юным свобода светит.

Николай Колоколов.

В песках.

(Рассказ)

Песок, песок и песок...

Порывы холодного северо-восточного ветра сбивают его в высокие сыпучие гряды. Куда ни глянь, словно закодированный круг, смыкаются со всех сторон наносы песка.

Ни травы, ни деревца, ни куста, — одно сухее желтое море.

Третий день по песчаной степи идут отряды красноармейцев. Целую армию поглотила суровая калмыцкая степь, чтобы эта огромная человеческая волна, лишенная хлеба и воды, безмолвно погибла в ее жадной, желтой пасти.

Другая волна людей, цепляясь за уходящие в прошлое истории человечества идеи господства человека над человеком, залила все пути отступления Красной армии, кроме этой желтой могилы.

Белогвардейская свора, словно волки за убегающей добычей, гнались за красными.

Генерал Старцев, которому восставший народ дал власть над десятками тысяч людей, трусливо не веря в силу революции, приготовил для тысяч людей, веривших ему, западню.

Генерала поймали, когда быстрый «Лунь» уносил его к белым и пули изрешетили его холерное барское тело, а его адъютанту, малокровному барчуку, брезгливо смотревшему на красных и жалко бравировавшему перед лицом смерти, — этому, жалея пули, озлобленные красноармейцы разможили наганом череп.

Но уже было поздно: оставался один путь на Калмыцкую степь. И армия двинулась в четырехсотверстный переход.

На Восход от нее был широкий, голубой Каспий, на юге и западе она оставляла богатую Кубань с черноземными полями, ежегодно рождавшими миллионы пудов золотистой пшеницы и с пышными пастбищами, где жирел скот Кубанских станиц.

Армия только что прошла этот край, словно набираясь сил для испытания среди песков.

Первые дни шли бодро и организованно, не спеша на привал и надеялись как нибудь осилить переход.

Армия сплошь была — горячие головы юношей; зачастую почти мальчиков-добровольцев. Они создали на юге красную гвардию и тешились гордятся званием красноармейца.

Шахты угольного Дона, где капитал испытывал терпение пролетария в темных подземных проходах, создали эту армию. Все районы бассейна дали сюда своих сынов.

Тяжелая угольная пыль, смешавшись с кровью, черной ненавистью текла в жилах этой молодежи.

Молоко матери и прикосновения заскорузлых и грубых, как куски угля, рук забойщиков-отцов передали молодым пролетариям смертельную ненависть к капиталу. И когда Советы призвали страну к обороне, вышедшие в лишениях, как осенние стебли, руки молодых шахтеров приросли к оружию.

II.

Уже в первые дни стало ясно, что не многие осилят путь.

Истомленную голодом армию поразил тиф. Беспощадная болезнь, словно ждала момента, когда люди обессилены от голода и холода и удары их сердец станут редкими и усталыми.

Белый туман в глазах застилал плоскую желтую картину степи, и холодный ветер знобил тело.

Многие, не дожидаясь привала, вдруг опускались лицом на песок, пока пройдет головокружение и снова с нечеловеческим усилием воли поднимались и шли.

На ночлегах живые и здоровые засыпали рядом с больными и с теми, кто засыпал навсегда. Спали тяжелым лихорадочным сном. Больные протяжно стонали и бр дили. Под темным небом, в тишине, этот стон казался диким волчьим завываньем. Он то утихал, то

начинал усливаться на всем огромном пространстве расположения армии. Точно тяжелая и упругая волна поднималась и опускалась, чтобы подняться вновь.

Еще ужаснее был бред.

Говорили, как наяву, трезвыми и спокойными голосами, ясно и убедительно, и издали преданных можно было принять за мирно разговаривающих, которые вдруг примирились со всеми ужасами пути и делаются после долгого молчания мыслями.

Один вспоминает далекие радости и говорит уверенно.

— Она так и сказала—я буду тебя ждать. Теперь уже ей подождать немного. Пятьдесят верст через немецкие колонии и дома...

Другой, тут же рядом воображает, что он собирается с приятелем на пирушку и насмешливо раздраженно торопит его обувать сапоги.

А третий рассуждает лукавым хохлацким говорком:

— Побачим, побачим, як вин до мене приде, от дурной дялька, от дурной.

Все трое обреченные.

Утром товарищи, которых ночью грело прикосновение горячих тел, с ужасом видели около себя остывшие группы с впавшими, обостренными лицами.

Те, кто лег вчера рядом со здоровыми, видят рядом с собой обессиленные подумертые тела. Ласково обращаясь к ним, зовут в путь.

— Нет, я уже не встану, товарищи, идите себе,—скорбно отвечает один, другой, третий и пустыми глазами безнадежности провожают уходящих.

Наиболее крепкие и выносливые наспех собирают оружие остающихся и набрасывают его в кучи.

Ветер разносит дым костров. Вместе сгорают: одни в огне, другие в горячем бреду бойцы и их боевые доспехи.

Взрывают также орудия. Огромный падеж лошадей—причина этому.

Пироксилиновые шашки закладывают в дула, и жалея словно живых, разрывают красноармейцы жерла своих друзей. Пришел и их конец, но они сделали свое дело.

На освобождающихся конях сидят едва держась голодные бойцы.

III

День стоит теплый. Ветер притих. Солнце согрело степь. Отогреваются продрогшие за ночь члены. Песок светло блестит в золотом свете солнечного дня.

Стало легче. Все красноармейцы, в общем, несмотря на долгие годы лишения или вернее благодаря им, были выносливы.

И многие, отогревшись на солнце и немного разгорячась на ходу, вдруг чувствовали себя сильными и бодрыми и думали про себя:

— Не может быть,—кончится все это. Выйдем наконец.

Это был обман.

Голод, усталость, вши—выпивали силы, выносливость иссякала... Но кровь звенела в слабой голове, солнце золотило туман, застилавший глаза,

привычно размеренная маршировка укрепила движения и казалось, что еще хватит сил на долго.

Но их уже почти не было и лишь как струна напряженная воля не давала упасть окончательно.

Голод был мучителен. Хотя острое привычное желание есть слабело, но головокружения, тошнота и желудочные спазмы усиливались.

Между тем мысль, хотя слабая, оморочная и потухающая, но жила. Вид падающих товарищей, которые не могли уже подняться, заставлял ждать того же конца и для себя.

А люди падали и падали. Иные садлись, надеясь подняться, и не поднимались. Просили:

— Товарищ, возьми меня.

— Товарищ, возьми меня!

— Куда же я возьму тебя, браток?— этот ответ точно с кровью отрывается от сердца. И весь путь усеивался мертвыми и обреченными, которых завтра уже может быть занесет песок чтобы навсегда похоронить и память о них.

И все же те, что шли, старались не терять бодрости духа и радостно минутами, или секундами даже, чувствовали сокращение пути. Между ними и первыми, что гибли на этом пути через все огромное расстояние мертвой степи, держалась и крепла необрывающаяся со смертью живая связь крови, вчера рабов, сегодня борцов за волю. И вся мертвая гладь степи, усеянная трупами, жила и дышала этой связью.

И все же вид этого тающего каравана был страшен. Разыгрывались ужасные сцены. Днем, в более теплом воздухе, многие больные обмирали. Когда же приходила ночь, холод оживлял их. И пристав, они вдруг видели себя одинокими, рядом с трупами, а караван был уже далеко. Обезумевшими глазами, подняв кверху обострившиеся черты, они смотрели вдаль. Все было пусто. Лишь звезды над ними и ветер вокруг. И они снова падали, чтобы спрятаться от этого кошмара и скорее умереть. Те, у кого был револьвер, пускали его в ход.

Пустынная ночь оглашалась выстрелами и новая жертва песка, вздрогнув, плотно прижималась к нему всем телом.

Каждую новую ночь все больше мертвецов оставалось на привале, и все трудней становился путь для живых.

Многие, что не могли идти, ползли на четвереньках, чтобы только как-нибудь двигаться вперед.

Некоторым обжигала голову соблазнительная мысль. Все знали, что если двинуться на запад, то там можно найти жилье и отдых. Далеко или близко—это знали не все, но многие думали, что до жилья не больше, чем день перехода.

Правда, если там белые, то конец один, но может-быть, их нет, тогда после дней двух отдыха, можно было бы запастись продовольствием и идти вновь в степь.

Эта мысль иногда высказывалась и как ток пробегала по степи, пока-что-нибудь трезвое мнение не успокаивало армию. А тем временем к прежним бедам прибавилась новая. Падеж лошадей от бескормицы рос и рос. Покорно шли выносливые животные и все силы напрягали, чтобы победить тяжелый путь. Изнемогиши, они останавливались, и хоть ясно было, что еще через минуту им придется пасть, но они вновь шли, раскочиваясь на ходу, словно ладья в вол-

нах. Вон, одна золотистая кобыла, точенные формы которой иссушил голод,—идет, останавливаясь каждую минуту и крутя головой. Седок—молодой шахтер в кубанке, устав помыкать ее, соскочил с седла и толкнул вбок обреченное животное.

Она, как неживая, свалилась на песок, который столько дней тяжело затыгивал ей ноги и теперь совсем поглотил свою жертву. Шахтер постоял над трупом друга и печально побрел, увязая в песке.

Лошади валились сотнями. Огромное число их трупов устилали путь и не было видно конца этому мору.

А людей, вместе с тифом, стала съедать цынга. Красноармейцы шли, сжимая зубы, подтачиваемые острой болью. На лицах застывали мучительные гримасы. Сухим языком облизывали кровоточащие десны и он, шершавый, будто деревянный, только раздражал боль. Невыносимо болели головы, словно медленно и крепко сжимали мозг в тиски

IV.

На шестой день пути у блеснувшего голубой каемкой Каспия увидели первое жилье. То были рыбацьи хибары—небольшие домики из дерева и тростника. В надежде на уют и пищу хлынули туда. Но у рыбаков хлеба не было. Эти сумрачные люди, с суровыми глазами, сами питались лишь одной рыбой прошлогоднего улова и не приходилось думать поживиться чем-нибудь у них.

Красноармейцы запрудили их избы, куда едва входило 10—15 человек. Сбившись в кучу, словно в стаде стояли бойцы и грелись больше теплом своих тел, чем теплом хижин. С печей и из углов смотрели на них заморенные, с бледно-зелеными лицами, дети, и в их остановившихся блестящих глазах была тревога и недоумение.

Наградив привал у рыбаков сотнями оставшихся там при смерти людей и животных, армия поспешила уйти оттуда. От рыбаков узнали, что недалеко есть больше село Одинопово, расположенное около островка черноземной земли, и поспешили туда.

К вечеру на горизонте блеснул крест.

Все приободрились.

Армейцы забили все дома и амбары. Человечек триста расположилось в ветхой деревянной перекровке.

До населенной полосы оставалось верст сто, но все до того изнемогли, что о продвижении вперед в ближайшее время, пока армия не отдохнет и не насытится,—ничего было и думать.

С первой возможностью дали знать в населенную полосу о положении армии. Получили ответ: ждать продовольствия, оставаться на месте, пока ближайшие места населенной полосы освободятся от другой армии, расположенной там.

Те, кто еще оставался здоровым, почувствовали облегчение. Всевозможными способами старались доставать хлеб у населения и кое-как поправлялись.

А тиф от скученности начал свирепствовать сильнее.

Расположившиеся в церкви были заражены поголовно. Заболело и население.

Через три дня прибыл первый обоз с продовольствием.

И вот в печах изб запылал тростник: варили, жарили, пекли нехитрую еду. Пар, поднимавшийся из горшков, казался слаще, чем священный аромат для религиозного фанатика. Запах мяса и жира щекотал ноздри и волновал кровь, а первые пузырьки кипенья приветствовались, как внозь открытая земля.

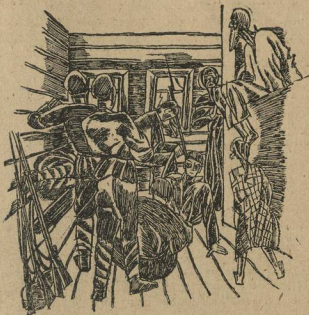
Ели с жадностью, сладострастно смакуя пищу и выпускали кость изо рта лишь, когда на ней не было ни одного мясного волокна. И в то же время спешили и нервно дергали руками.

В отуманенные головы, в изнуренные иззябшие тела вместе с пищей жарко сочилось веселое, животворное тепло. Зазвенела кровь в жилах, в опавших мускулах шевельнулась сила.

Вольготней стало дышать.

В насыщенном мозгу забилась мысль.

Лишь больные, так перестрадавшие от голода, были бездейственными свидетелями насыщения здоровья. Запах пищи вызывал у них тошноту и они желчно смотрели на жадность здоровых. С мучительным чувством бессилия слушали они разговоры товарищей о погибших, предвидя, что и они будут в их числе. Обесмысленные страданием глаза жадно впивались в суровые, стальные черты лиц говорящих товарищей, когда речь шла о тысячах смертей.

Красноармейцы заперли их избы.

VI.

Две недели прошло прежде, чем можно было двинуться вперед.

Армия двинулась.

Армия!..

Вышедшие за село красноармейцы взглянули на свои ряды и улыбнулись: полторы-две тысячи человек— вот все, что осталось от целой армии.

Но эти две тысячи были спасены.

И вырванные из лап смерти, они бодро обсуждали свою участь.

— Ну, теперь, ушли, шалишь,—говорил молоденький красноармеец, оглядываясь назад и грозя кулаком безводному чреву желтой пустыни.

— А как теперь, товарищи,— продолжал он,— небось казаки уж к Царицыну подбираются.

— Ну что ж к Царицыну,— ответил угрюмый, суровый голос.

— Да ведь так они всю Россию завоевать могут. Вон ведь как они нас обманули.

— Завоевать... обманули...— угрюмо-насмешливо прозвучал тот же голос и сомневающийся красноармеец увидел повернувшееся к нему молодое лицо с желтой кожей, обтянувшей крупные скулы. Маленькие глаза смотрели сурово и насмешливо—кто еще кого завоеует.— Тут нас погубил тысячи, а остались-то ведь миллионы. Миллионы, понимаешь ли ты это, несуровая твоя голова? Думаешь мы слабее что ли, стали? Как не так? Отчего это мы теперь востали и боремся? Знаешь? Все оттого, что тысячи наших же товарищей заморены на рудниках да на заводах, да на пашнях. Это нас и сплотило.

— Ты думаешь в этих песках мы силу растеряли,—уже мягче зазвучал голос,—мы ее не растеряли. Этот песок, что мы кровью мочили, теперь все равно, что цемент. Он нас вот как связал. А ты—обманули! Нас, браток, не обманешь. Мимо нас не пройдешь.

Слова юноши звучали убежденно и осмысленно. В его сознании связь крови миллионов влялась прочно, как металл в металл.

И сомневавшийся, немножко удивленный ответом, напряжением мысли, от которого ему даже больно стало, окинул вдруг неразрывную

цепь мертвецов и живых,—миллионов тех, кто рыл землю, крутил колеса, суетился всю трудовую жизнь—и миллионов живых борцов за общее счастье.

И так откровение самому себе прозвучали его простые слова:

— А ведь верно, нас голыми руками не возьмешь?

И на мгновение застывшее выражение его лица было особенно ясным каким оно бывает

в жизни не часто, лишь когда мысль неслаживаемым рубцом тметит большой пройденный путь.

Над степью стоял солнечный день. Сверкал голубишной чистый горизонт.

Двухтысячная горсть людей, усталая, но бодрая, совершала последний переход.

М. Барсунов.

Харьков—Москва. Март 1921 г.

Глотками ладными мы пьем хмельной огонь,
Вступая на крутые горы.
Все глуше, глуше топоты погонь,
Все ближе новые просторы.

Кривавой россыпью горячих влажных роз
Цветут израненные ноги.
Лихие вестники желанных гроз,
Не дрогнем на крутой дороге.

И оттого всю боль нам превозмочь дано,
И крепнут, как металл, тела и души наши,
Что пьем в пути лучистое вино
Из солнечной бездонной чаши.

Николай Колонолов.

третья годовщина Октябрьской революции совпала с последними героическими операциями Красной армии.

Только что окончилась тяжелая, но славная борьба на польском фронте. Утомленные походами красные войска

только что отбили яростные атаки на западных границах Советской России и принудили польскую шляхту к перемирию, как перед ними стала во весь рост новая ответственная задача раздавить выползшего из Крыма Врангеля.

Взлелеянный английскими и французскими бандами вождь российской белогвардейщины с февраля 1920 года собрал в Крыму разбиты отряды Деникина и готовился к походу на Москву.

Советской России, за этой польской войной, было не до Врангеля. Все живые силы страны летом 1920 г. были брошены на западный фронт. В Волынских лесах, в Пинских болотах и на полях Белоруссии ожесточенная классовая война решала в этот момент судьбы революции.

Врангелю рабоче-крестьянская страна могла противопоставить только очень небольшие, значительно слабейшие силы.

И вот крымская гидра зашевелилась. Из Парижа и Лондона, где антантовские заправилы уже дрожали, слыша залпы пролетарских орудий в сердце панской Польши, под Варшавой был дан приказ во что бы то ни стало наступать и отвлечь внимание Советской России от Западного фронта.

Врангель неожиданно ударил. Под защитой флота он высадил десанты на побережья Азовского моря и на полуострове Тамань. Задача Врангеля была очень широка. Он нацелился одной группой на Донецкий бассейн, центр угольной промышленности, другой

на левобережную Украину и одновременно с помощью мелких десантов рассчитывал на восстание в Кубанской области.

Врангель мечтал о соединении своего левого фланга с поляками, об организации единого фронта от Литвы до Дона, Врангель надеялся одним ударом захватить Екатеринославскую губернию и поднять восстание в казачьих областях на юго-востоке.

Его планы не удались. Правда, ему удалось захватить Мариуполь и Александровск, продвинуться к самому Екатеринославу, но... и все. В Донецкий бассейн на правый берег Днепра целиком ему не удалось пробраться. Восстание на Кубани также не удалось. Население уже знало цену белогвардейским обещаниям, имело возможность сравнить их с советским режимом. Поэтому оно рьяно взялось вместе с небольшими красными отрядами за ликвидацию десантных частей врангельцев. В короткий срок вся десантная группа была разбита и сброшена в море.

Между тем на Врангельский фронт обратила внимание вся Россия. Петроград и Москва мобилизовали новые сотни готовых к самопожертвованию коммунистов. Заключение перемирия с Польшей позволило нам перебросить части с польского фронта. Бог стали идти с переменным успехом. Наше командование точно расследовало, в чем сила противника, и убедилась, что главная сила его в кавалерийских частях. Тогда мы приступили к спешному стягиванию кавалерийских частей. Между тем подошел октябрь. Холодные и разутые красноармейцы думали только о решительном наступлении. Обмундирования на всех нехватало, но красноармейцы не унывали: «у Врангеля английское возмездие», говорили они.

В это время наша армия рядом удачных стратегических операций стала наносить противнику частичные поражения.

цепь мертвецов и живых,—миллионов тех, кто рыл землю, крутил колеса, суетился всю трудовую жизнь—и миллионов живых борцов за общее счастье.

И так открывание самому себе прозвучали его простые слова:

— А ведь верно, нас голыми руками не возьмешь?

И на мгновение застывшее выражение его лица было особенно ясным каким оно бывает

в жизни не часто, лишь когда мысль несглаживаемым рубцом тметит большой пройденный путь.

Над степью стоял солнечный день. Сверкал голубиной чистый горизонт.

Двухтысячная горсть людей, усталая, но бодрая, совершала последний переход.

М. Барсунов.

Харьков—Москва. Март 1921 г.

Глотками ладными мы пьем хмельной огонь,
Вступая на крутые горы.
Все глуше, глуше топоты погонь,
Все ближе новые просторы.

Кровавой россыпью горячих влажных роз
Цветут израненные ноги.
Лихие вестники желанных гроз,
Не дрогнем на крутой дороге.

И оттого всю боль нам превозмочь дано,
И крепнут, как металл, тела и души наши,
Что пьем в пути лучистое вино
Из солнечной бездонной чаши.

Николай Колоколов.

КРАСНАЯ АРМИЯ НА РУБЕЖЕ ПЯТОГО ГОДА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ретья годовщина Октябрьской революции совпала с последними героическими операциями Красной армии.

Только что окончилась тяжелая, но славная борьба на польском фронте. Утомленные походами красные войска

только что отбили яростные атаки на западных границах Советской России и принудили польскую шляхту к перемирию, как перед ними стала во весь рост новая ответственная задача раздавить выползшего из Крыма Врангеля.

Взлелеянный английскими и французскими на чьими вождем российской белогвардейщины с 1-го января 1920 года собрал в Крыму разбитый отряды Деникина и готовился к походу на Москву.

Советской России, за ятой польской войной, было не до Врангеля. Все живые силы страны летом 1920 г. были брошены на западный фронт. В Волыньских лесах, в Пинских болотах и на полях Белоруссии ожесточенная классовая война релала в этот момент судьбы революции.

Врангелю рабоче-крестьянская страна могла противопоставить только очень небольшие, значительно слабейшие силы.

И вот крымская гирда зашевелилася. Из Парижа и Лондона, где антантовские заправилы уже дрожали, слыша залпы пролетарских орудий в сердце панской Польши, под Варшавой был дан приказ во что бы то ни стало наступать и отвлечь внимание Советской России от Западного фронта.

Врангель неожиданно ударил. Под защитой флота он высадил десанты на побережьях Азовского моря и на полуострове Тамань. Задача Врангеля была очень широка. Он нацелился одной группой на Донецкий бассейн, центр угольной промышленности, другой

на левобережную Украину и одновременно с помощью мелких десантов рассчитывал на восстание в Кубацкой области.

Врангель мечтал о соединении своего левого фланга с поляками, об организации единого фронта от Литвы до Дона, Врангель надеялся одним ударом захватить Екатеринославскую губернию и поднять восстание в казачьих областях на юго-востоке.

Его планы не удались. Правда, ему удалось захватить Мариуполь и Александровск, продвинуться к самому Екатеринославу, но... и все. В Донецкий бассейн на правый берег Днепра целиком ему не удалось прорваться. Восстание на Кубани также не удалось. Население уже знало цену белогвардейским обещаниям, имело возможность сравнить их с советским режимом. Поэтому оно рьяно взялось вместе с небольшими красными отрядами за ликвидацию десантных частей врангелевцев. В короткий срок вся десантная группа была разбита и сброшена в море.

Между тем на Врангельский фронт обратила внимание вся Россия. Петроград и Москва мобилизовали новые сотни готовых к самопожертвованию коммунистов. Заключение перемирия с Польшей позволило нам перебросить части с польского фронта. Бог стали бити с переменным успехом. Наше командование точно расследовало, в чем сила противника, и убедилась, что главная сила его в кавалерийских частях. Тогда мы приступили к спешному стягиванию кавалерийских частей. Между тем подошел октябрь. Холодные и разутые красноармейцы думали только о решительном наступлении. Обмундирования на всех не хватало, но красноармейцы де-унывали: «у Врангеля английское возмем», говорили они.

В это время наша армия рядом удачных стратегических операций стала наносить противнику частичные поражения.

Сначала потерпели страшное поражение войска, переправившиеся выше Херсона на правый берег Днепра. Затем противник получил ряд ударов со стороны Екатеринослава, Юзовки и Мариуполя. Последний был нами занят и Врангель был поставлен перед угрозой остаться с полковыми войсками, отрезанным от своей базы—Крыма. Началось спешное отступление врангельских войск в Крым. Мы преследовали и деморализовали белогвардейские части, но Врангель, Слащов и их сподвижники не унывали. Они рассматривали свое поражение как частный случай войны. Они были уверены, что за бетонными укреплениями, возведенными по всем правилам военного искусства английскими и французскими инженерами, большевикам их не достать. К тому же далеко не все войска Врангеля были в боях. Несколько отборных белогвардейских дивизий, прекрасно снаряженных и обмундированных, с мощной артиллерией и флотом, которому мы ничего не могли противопоставить, казались Врангелю нерушимым оплотом.

И действительно, никакая «национальная» армия буржуазии не сделала бы того, что выполнили рабочие-крестьянские полки Крым—полуостров, омывающийся Черным и Азовским морями. От Таманского мыса он отделяется узким Керченским проливом. С материком соединен двумя узкими перешейками, Сивашским и Перекопским.

Вот эти-то перешейки были усеяны проволочными заграждениями, уставлены артиллерией и пулеметами. Тем не менее Красная армия решила взять Крым и вичто не могло ее остановить. В ночь на 28 октября красноармейские полки двинулись в беспремерное в истории войны дело.

Местами приходилось идти 10—15 верст по воде, только что покрывшейся льдом (это залив, т. н. Гнилое море), но наши части все преодолевали. После упорного дневного боя белые дрогнули. «Эти красные чертя все сметаю на своем пути», донесли Врангелю. Врангель отдал приказ об эвакуации. Началась спешная погрузка на корабли—ужасные дни для мирного населения.

Между тем наши части на плечах белых тремя группами вошли в Крым. Одна группа перешла по льду через Азовское море, выше Керченского пролива около 30 верст. Две другие вошли через Перекоп и Сиваш. Спасение белых было только в бегстве на кораблях. Но очень многие и этого не успели.

Давно восставшее в горах население оказало нам ценную помощь, отрезая белым пути отступления. В Крыму Красная армия захватила колоссальную добычу.

Казалось бы, Советская Россия доказала свою силу и способность оберегать территорию от белогвардейских гадюк. Доказала Советская Россия и то, что воевать желания у нее нет, что трудящиеся хотят заняться мирным строительством, а потому и полякам и всей Антанте бояться наступления «диких большевиков» на Европу нечего.

Однако польские паны, подстрекаемые Антантой, в особенности Францией, думали иначе. «Не железная же страна Россия», решила буржуазия.—Ну с одним, другим, с третьим справились, на ком-нибудь да споткнутся.

«Мира не заключать», сказано было польским панам. Шляхта выпустила бандитские части Балаховича и стала ждать благоприятной обстановки для возобновления войны.

Доблестные части Западного фронта пустили Балаховича поглубже в Гомельскую губернию, заперли для него выход в Польшу, окружили и расколотили. Этот пример оказался для Польши прекрасным лекарством. Она моментально отказалась от советов французской биржи и заключила с ними мир.

Гражданская война окончилась. 8 с'езд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов занялся хозяйственными вопросами и декретировал отпуск старых годов из армии.

Все трудящееся население взялось за мирную работу. Тогда наши враги, эсеры, кадеты и прочая контр-революционная братия решила повести борьбу другими способами. Агенты эсеров, кадетов и монархистов стали объединять группы кулаков и подымать их на восстания.

Вместе с тем им иногда удавалось подымать и уставших, измученных от трехлетних тягот гражданской войны средних крестьян. Так, на почве мелко-буржуазного стихийного недовольства с февраля 1921 г. начались бандитские восстания. Весной они охватили низовья Волги, Воронежскую и Тамбовскую губернии. Красноармейским частям вновь пришлось применяться к партизанской мелкой

Взятие Перемышля.

лесной войне.

Это была трудная задача, так как бандиты, знакомые с местными условиями, растворялись в населении, и найти и выловить их не было возможности.

Полагали, что шанки разбиты, а на другой день они оказывались в двойном количестве за 40—50 верст от места поражения. В течение минувшего лета Красная армия справилась с бандитизмом в великорусских губерниях и на Украине.

В предвидении этой возможности белая эмиграция во главе с Савиновым и эсеровскими организациями замыслила ряд военных мятежей на Западном фронте и в Петроградском военном округе. Эти заговоры нашли почву только в незначительной части старого офицерского корпуса и были своевременно раскрыты Особым Отделом; удалась только попытка мятежа в Балтийском флоте. Старые революционные моряки Балтфлота, герои июльских и октябрьских дней, рассеялись по всей России. Лучшие командиры в Красной армии нередко были из матросов. Многие из них погибли на полях гражданской войны. Между тем славное имя революционных моряков было перенесено на всех краснофлотцев. Немудрено, что матросы политически слабо развитые, соприкасавшиеся слишком близко с обывательскими массами Питера и Кронштадта, проникнутые кастовым духом военных моряков, возомнили, что им предстоит задача совершить третью революцию. Вернее, их привели к этим мыслям вожаки, непосредственно сошедшие с заграничной эмиграцией и получившие отсюда инструкцию выдвинуть лозунг «вольных советов». Повятыно, контр-революционеры знали, что важно из советов вынести коммунистов, чтобы здание Советской власти рухнуло.

3 марта в Кронштадте на дредноуте (Петропавловск) «Марат» образовался Военно-Революционный Комитет.

Кронштадт пришлось подавлять вооруженной рукой. Кронштадт — непобедимую крепость — остров — пришлось брать штыковой атакой.

Кронштадт был повторением Сиваш—Перекопской операции, Кронштадт был еще более героическим подвигом красной армии. 5 марта наши аэропланы сбросили над Кронштадтом приказы мятежникам тов. Троцкого сложить оружие и дать свободу всем арестованным представителям власти.

Кронштадтский ревком ответил на это обращение артиллерией и радио-приглашением буржуазным журналистам приехать в Кронштадт через Финляндию.

8 марта под покровом ночного тумана сильная разведочная партия курсантов подошла к Кронштадту, ворвалась через Петроградские ворота в город и, захватив случайно проходившего по улице одного из мятежных главарей Вершинина, вернулась на материк.

Кронштадтцы почувствовали неадекватность своего положения и деятельно занялись возведением проволочных заграждений вокруг фортов и острова и заложили во многих местах фугасы.

Между тем ветер с запада нагнал на лед с моря воды и пришлось ждать, пока ветер переменится.

Наше командование и политорганы повели энергичную работу. В недельный срок удалось спешно обмундировать влох одежды, части, снабдить их продовольствием и фуражем, подвести мощную артиллерию и влить сотни самоотверженных коммунистов, мобилизованных губкомами центральной России и западным фронтом. В числе этих коммунистов были и 300 с лишним делегатов и гостей X съезда Р. К. П., которые в большинстве своем влились в части, как рядовые бойцы.

На долю коммунистов выпала большая и ответственная задача. Кругом работали шпионы и провокаторы, уверявшие красноармейцев в невозможности выполнить операцию. Упорно распространялись слухи, что лед проломан, что на нем вода выше колена, что тысячи курсантов уже утонули в Финском заливе, что огонь кронштадтской артиллерии сметет смельчаков, пытающихся к нему приблизиться.

Одной удачной мерой накануне наступления этим разговорам был положен конец. Были вызваны в штаб южгруппы по 4—5 звездочков из каждого полка и направлены разведку.

Возвратясь по своим частям они внесли в красноармейцев уверенность, что лед крепко-

16 числа артиллерия открыла бой с Кронштадтом. Хотя артиллерия противника была и количественно и качественно сильнее, однако, мы нанесли моральное поражение мятежникам. Наш удачный огонь (кстати, намеренно не разрушавший проволочных заграждений перед фортами, чтобы не делать воронок во льду) внес деморализацию в ряды кронштадцев, и они в бессильной злобе зажгли десольный завод в Ораниенбауме, пристань и соседнюю с Ораниенбаумом деревню, где даже не было наших частей. В ночь с 16 на 17 беспрепятственно до 3 часов пуцальцы прожекторов искали по берегу и на льдах залива наши части, но тщетно.

И только когда Кронштадт успокоился и потонул во мгле, наши части двумя группами пошли на штурм.

Первая группа — южная, самая сильная и активная во главе с доблестными т. г. Дыбенко, Ворошиловым и Саблиным, двинулась на штурм самой крепости к Петроградским воротам.

Вторая — северная группа двумя колоннами направилась с северо-востока на номерные форты и Тотлебен.

В белых балахонах стройными колоннами красные части решительно двинулись по льду.

Скоро противник нашупал наши части прожектором. Его холодный белый свет упал на цепь, завертелся и поплыл кругом, обнажая на льду все новые и новые колонны бойцов. Затем начался канонада. Тяжелые снаряды с мирным грохотом ложились за цепями. Скоро противник пристрелился и стал выхватывать из цепей по две десетки людей. Однако стрелки не расстроились. Под ногами был крепкий лед, большая часть расстояния была пройдена, справа и слева двигались еще колонны бойцов, командиры и штабы были впереди — и бойцы чувствовали, что победа будет за нами.

В 4 ч. 35 м. в туманной предрассветной мгле с криком «даешь, клещ, Кронштадт наш» наши части прорвались, несмотря на ужасный огонь бомбометов и пулеметов, несмотря на фугасы и проволочные заграждения через Петроградские ворота в город.

Не пришлось даже воспользоваться мостиками и лесенками. Лед повсюду оказался настолько крепок, что снаряды легких орудий уходили

под воду, не взрывая лед, подобно тому, как пуля пробивает стекло.

В 7 часов утра уже потянулись в Ораниенбаум беспорядочные толпы пленных, а навстречу им наперобой спешно двинулись ружейно-пулеметные парки, патронные и продовольственные обозы, санитарные отряды и полевая артиллерия. Смущенный, растерянный противник бил из 12 дюймовых орудий «Петропавловска», но не принес существенных потерь.

Так обстояли дела в южной группе. Северная группа в это время не без жертв успела взять номерные форты «Красноармейск» и «Риф», и в час дня вышла на остров, установив тесную связь с южной группой.

К вечеру в руках противника оставалась часть города, прилегающая к военной гавани, суда и форт Тотлебен.

В 11—12 часов ночи под покровом темноты наши решительным ударом овладели остальной частью города. Главарь мятежников успели

бежать в Финляндию. Перед побегом они пытались взорвать суда, но матросы своевременно успели ликвидировать гнусную попытку. В 2 часа ночи с 17 на 18 и «Петропавловск» и «Севастополь» без пролития драгоценной крови грядущих одумавшимися матросами были переданы в советские руки. На рассвете 18 сбился «Тотлебен», и мятеж был ликвидирован.

Революционный порядок установился. Славный день пятидесятилетия коммуны вновь красный Кронштадт торжественно встретил парадом героических частей красной армии, первый раз в военной истории давшей пример победоносного боя пехоты с морской крепостью и дредноутами.

Наконец в минувшую годину можно отметить попытки наступления на Сибирь со стороны Японии с помощью белогвардейских банд. Япония замыслила уничтожить дружественную нам полусоветскую Дальневосточную Респ. блику. Она помогла вновь организоваться в приморском крае Семенову, а в Монголии — Унгерну. Унгерн угрожал нашим восточным границам,

В чем заключается повышение боеспособности? Прежде всего в хорошем военном обучении. Перед нами эпоха классовых войн. Нам предстоит борьба с прекрасно-вооруженными богатými техникой разрушения и классовыми армиями буржуазии, которые сейчас создаются капиталистическими государствами в скрытой форме. В Италии—это «фашисты», в Германии «Оргеш» (организация полковника Эмерика), во Франции гражданская Лига, в Соединенных Штатах—буржуазная милиция.

Каждый красноармеец должен также знать военное дело, как отделенный командир. Каждый красноармеец должен уметь разбираться по карте, усвоить стратегическую обстановку, знать способы борьбы со специальными родами оружия.

Наша война определяется классовой политикой рабоче-крестьянского государства. Стратегия армии зависит от политики государства. Наша политика пока революционная оборона. Когда рабочий класс в капиталистических странах перейдет в наступление против вековых угнетателей, когда он подымет знамя революции, мы, несомненно, придем нашим братьям на помощь и, значит, наша политика станет политикой наступления. Поэтому каждый красноармеец, чтобы быть морально устойчивым, революционным борцом, должен быть политически грамотен.

Это вторая основа боеспособности нашей армии.

Без материальной основы, т. е. без достаточного запаса обмундирования и снаряжения, мы не сумеем воевать, не сумеем оборонять революцию. Армия должна быть одетой, обутой, иметь в руках годные для стрельбы винтовки.

Наши фабрики и заводы безостановочно работают на армию. Но у нас их мало, и сырья тоже не хватает. Каждая винтовка делается за счет сокращения надобностей государства в машинах и земледельческих орудиях. Каждая шинель, каждая пара сапог, выданные красноармейцу, лишают соответственного количества одежды и обуви рабочих. Между тем сплошь и рядом красноармейцы продолжают продавать одежду и обувь, небрежно обращаются с оружием, не следят за чистотой своих костюмов и помещений.

При таких условиях армия никогда не сможет быть одета и вооружена годным для военных действий оружием. А ведь нам нужно еще иметь большие запасы одежды и снаряжения на случай войны, когда Красная армия увеличится в несколько раз. Поэтому в сознании каждого красного война должна укрепиться

мысль об экономии народного достояния, врученного Красной армии, о самом тщательном его сбережении.

В пятый год пролетарской диктатуры Красная армия вступает как организованная пролетарская сила, очистившая всю территорию Советской республики от белогвардейских (иноземных и отечественных) войск и задавившая кулацко-эс-эровский бандитизм. Красная армия теперь уже имеет колоссальный кадр рабоче-крестьянских командиров, и десятки тысяч новых краскомов непрерывно готовятся на многочисленных командных курсах.

Рабоче-крестьянская Россия с любовью и верой взирает на Красную армию. Советская Республика знает, что штыки Красной армии опрокинут все новые попытки мирового капитала задуть пролетарскую власть.

А революционный пролетарий всего капиталистического мира знает, когда пробьет двенадцатый час социальной революции, Красная армия первой советской страны по ожет трудящимся обрести отечество.

Пусть же трепещет старый мир перед Красной армией.

Пусть же гордится каждый красноармеец звездой на своей фуражке и помнит, что он находится в авангарде Коммунистического Интернационала.

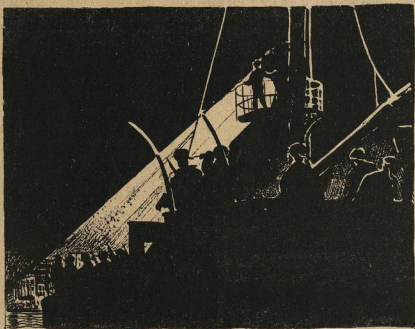
Ш. Винторов.

Р. С. Когда эта статья была уже закончена, появились сообщения о грубом ультиматуме поляков, требующих одностороннего исполнения Рижского договора. Очевидно, польская шляхта под влиянием французских биржевиков хотела напасть на Советскую Россию. Рабоче-крестьянское правительство стремилось во что бы то ни стало сохранить мир, и блюдя достоинство пролетарской республики (потребовало обоеюдского исполнения договоров). Если польское правительство не станет исполнять своих обязательств и в первую очередь не ликвидировать на наших границах контр-революционные шайки, мы ни на какие уступки не пойдем. Таков был смысл нашей ноты. Польское правительство не встретит поддержки со стороны русских занятых своими влущенными делами, чувствуя шаткую почву внутри государства (рабочие забастовки, кризис правительства и падение польской марки пошло на уступки).

Еще раз пролетария стойкость Советской республики разрушен план всеобщего нападения на, рабоче-крестьянскую страну в самом начале!

Ш. В.

В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

На Неве.

Из поэмы „Будни“.

Каждый камень кричит громогласно,
 Что он слышал в предутреннем сне,
 Как Октябрь наездником красным
 Пролетел на стальном скакуне.
 Будут дни, беззакатное солнце
 Нас напоит горячим вином,
 Ведь не даром же прошлое говится
 За умчавшимся вдаль скакуном,
 Ведь не даром костлявые пальцы
 Простирает над нами Вчера,
 Все надеясь, что замертво свалится
 Красный всадник у солнечных врат.
 Никогда, никогда не сольются
 День и ночь в одну котлею,

Никогда не умрет Революция,
 Не закончив работу свою.
 Я хочу вам сегодня сказать:
 Не пора ль из-под маски испуга
 Посмотреть хорошенько в глаза
 Без обмана и лжи друг другу.
 Не пора ль перестать скулить
 На огни из своих подворотен,—
 Мы из мгlistых туманов пришли
 Для великой и трудной работы.
 Верьте мне,—близок праздничный час,—
 Льется солнце по нашим дорогам,
 Эта жизнь будет Храмом для нас,
 Труд—веселым и солнечным Богом.

В. Александровский.

Чудо нашего времени.

Четыре года борьбы Красной армии на всех фронтах Советской Республики—это четыре года величайших, небывалых в истории побед—мало опытной, недостаточно снабжаемой и немногочисленной рабоче-крестьянской армии с десятикратно сильнее врагом, имеющим к своим услугам все, начиная от талантливейших и опытейших полководцев и кончая танками и пушками, обмундированием и золотом англо-французских промышленников и банкиров.

Не раз в течение этих четырех лет казалось, что вот-вот дрогнет, не выдержит сокрушительных ударов неокрепшая еще груб молодой нашей армии, и обнаглевший, зарвавшийся враг ринется в сердце Советской России, отмечая свой путь заревом пожаров, пытками, насилием, виселицами и расстрелами.

Но сила Красной армии не только в оружии. Она победила своей волей к борьбе и победе. Она имеет то, чего нет у наемников капитала, она борется за землю, за заводы, за право свободно жить и распоряжаться своей судьбой. Лучше смерть, чем новое рабство, новые тяжкие годы позора и невыносимых страданий. Это знает Деникин, собиравшийся вступить в Москву с колокольным звоном, это знает Юденич, наблюдавший с Пулковских высот твердыни Красного Питера, это знает Козловский, овладевший путем гнусного обмана преддверием Питера, Кронштадом. Это знают вельможные паны, едва не потерявшие свое панство, за это знание заплатил головою «верховный правитель» Колчак. Это знают все хищники крупные и маленькие: и Франция, и Англия, и Япония, и Петлюра и Савинков и Махно—нет такого государства или такого генерала, который осмелился протянуть свою лапу к Советской России и остался бы безнаказанным. Красная армия оставляет свою свободу с оружием в руках, Красная армия доказала всему миру, что трудовой народ, с оружием в руках отстаивающий свою свободу от гнусных посягательств бывших властителей, не может быть похищен наемными полчищами предателей и убийц.

Когда говорят о героизме Красной армии, останавливаются обыкновенно на таких случаях, которые по своему характеру являются выдающимися, необычайными даже для Красной армии. Таких случаев много. Много отдельных товарищей, красноармейцев, курсан-

тов, командиров совершили чудеса храбрости и самоотверженности и в горах Урала, под стенами Красного Питера, и в борьбе за Крым. Их имена золотыми буквами вписаны на красную доску Революции.

Но что их подвиги и их слава в сравнении с теми невероятными, прямо-таки нечеловеческим проявлением самоотверженности и величайшего героизма, носитель которых многолик и многоименен, перед подвигами, совершенными Красной армией в целом!

Они превосходят собою все то, что было совершенно во время других войн человеческой истории. В дни, когда Колчак, готовившийся короноваться в „белокаменной“, без оглядки бежал по безлюдной Сибири, разве весь мир—наши братья трудящиеся с радостью и неопикуемым восхищением, наши враги со злобой и неопреоборимым ужасом, разве весь мир не смотрел затаив дыхание на действие Красной армии, не постигал чуда, не верил своим глазам?

Что Колчак! То, что совершенно Красной армией, после этого далеко отстает за собой события борьбы за Волгу.

Окидывая взором историю нашей борьбы, просто терпешься, на чем остановиться, что выделить, как наиболее выдающ еся, характерное. И в самом деле, разве борьба с Юденичем, на подступах к Петрограду не превосходит собою все, что может создать человеческое воображение? А разве разгром Деникина, с его характерным эпизодом—Мамонтовщиной, разве это не чудо из чудес? До Орла докатились «добровольческие» банды, вот-вот с хоругвями, попами и колокольным трезвоном вступают в красную столицу. И вместо этого позорное паническое бегство, ради спасения собственной шкуры... Разве это уступает в чем-нибудь великой петроградской операции?

А борьба с Польшей?—Не в том дело, что война окончилась как будто бы вничью, что мы должны были подписать Рижский договор.

Здесь Красная армия показала всему миру, почти захватив столицу соседнего империалистического государства, что она выросла, окрепла, что она способна бороться и побеждать не только бандацкие шайки черносотенных генералов, но и регулярные европейские армии, организованные по последнему слову военной науки и техники.

Отныне мировые банкиры не могут чувствовать себя спокойно в своих дворцах. Они знают теперь, что для Красной армии нет ничего невозможного и то, что не случилось

возможно не только бедной технически Красной армии, но и любой другой армии в мире. И все-таки Красная армия взяла их чуть ли не голыми руками.

□ снегах Урала.

сегодня, может случиться завтра: Варшава может стать только первым стольным городом из числа тех, на которых взрывает красное знамя: И тем более страшит их эта мысль, что об этом знают не только они, но все те, кого они эксплоатируют и кто смотрит отныне на Красную армию как на свою освободительницу, как на решающую помощь в критический момент борьбы с угнетателями.

А последний заключительный акт — борьба за Сиваш и Перекоп. Здесь совершилось нечто такое, для чего не существует в человеческом языке слов, которыми можно было бы дать хотя бы приблизительное описание.

Чуть ли не в один месяц Красная армия, жертвуя своею кровью, ценою сотен смертей, взяли приступом такие укрепления, для оборудования которых были привлечены лучшие английские и французские инженеры и военные специалисты, и о которых штабы европейских армий говорили, что взять их не-

И если бы враги наши стали теперь устанавливать, как добилась Красная армия таких результатов, которые заставляют думать о чудесах, самым главным и самым непонятным для них чудом выступил бы сам боец-герой красноармеец: не отдельный человек, как бы ни был необыкновенен его подвиг, а коллективный, совершивший все эти чудеса, труженик войны наша Красная армия.

Царское правительство разорило Россию. Нам в наследство осталась страна обнищавшая с разрушенной промышленностью, пороченным транспортом, расшатанным сельским хозяйством. Неудивительно поэтому, что Красная армия находилась в самых тяжелых условиях. Недосток обмундирования, скудный паек, технически отсталое оружие — вот постоянные спутники бойца кр-ца на фронте. Казарма без освещения, без отопления, сплошь и рядом с выбитыми стеклами, поломанными стенами и крышей — вот что мог дать ему, нуждающемуся в отдыхе и в уюте, истощен-

ный тыл. Такие условия могли бы сломить любую другую армию. Но Красную армию нельзя мерить обычной меркой.

Все лишения, которые выпали на ее долю, не ослабили, а укрепили и закаляли ее ряды.

Пусть недостаточно пищи, пусть едят насекомые, пусть тиф и другие болезни косят направо и налево—разве это что-нибудь значит? Разве не важнее всего на свете защищать завоевания Революции?—Отстоим ее—будет все: и хлеб, и одежда, и отдых. Не отстоим—тогда не нужны нам все богатства земного шара. И дерутся с негодным оружием, раздетые, разутые, голодные, неутомимые, энергичные и могучие как львы, и умирают с последним предсмертным стоном: «Да здравствует революция!» и... побеждают в десять, в сто раз сильнее врага, побеждают силой своего духа, своей преданностью мировому делу освобождения трудящихся.

И вот победа. Враг разбит на всех фронтах. Последний уголок Советской земли очищен от черной грязи белогвардейщины. Казалось бы, что теперь единственное требование найти этот отдых, отдых во что бы то ни стало. И всякая другая армия прониклась бы единой мыслью: «домой», распалась бы, разложилась в дикой и стихийной тяге к заслуженному отдыху.

Но не такова Красная армия. Красный солдат сознает хорошо, что враг еще не разгромлен до конца, что он только притаился и ждет... Ждет и надеется, что его союзник голод одолеет нас теперь скорее и вернее, чем его вооруженная сила: не даром ведь четыре года стягивал он голодную петлю вокруг нашей шеи, он верит, что нам теперь не выпутаться из нее.

Красная армия знает это. И вместе со всем трудовым народом объединяет ее могучая идея борьбы на фронте труда, борьба за хозяйственное возрождение измученной, истощенной Советской Республики. Такова действительность. Всюду, где некогда с винтовкой в руках и пулеметной лентой у пояса стрелял кр-ц, дрался с своим врагом—людьми, борется он теперь как мирный работник с

топором и молотом в руке, у станка и у плуга, с другим не менее опасным и жестоким врагом—хозяйственной разрухой.

В предгорьях Урала, в Сибири, в Донецком бассейне, в лесах холодного севера—всюду сражаются части Армии Труда, всюду одерживают, быть-может, менее блестящие и эффектные, но не менее значительные и важные победы.

И это относится ко всем. Это также объединяет в единую армию и тех, кто демобилизован, кто уехал на родину и покой, наиболее пожилые и наиболее усталые не для отдыха, не для гульбы покинули ряды армии, но для того, чтобы своим посильным трудом на полях и в мастерских Республики внести свою долю в общую сумму коллективного труда для возрождения страны.

Таков красноармеец. Таково это «чудо» для белых, этот воин труда, горящий единым стремлением—отдать свои силы, а если требуется и жизнь, в интересах пролетарской Революции.

Теперь мы не так бедны техническими средствами, как в первые годы гражданской войны.

Наши противники—генералы и заводчики—изготовили для себя и оставили для нас много важного, ценного военного имущества. Наши фабрики и заводы научились изготавливать то, чего раньше не умели делать.

Трудящиеся—рабочие и крестьяне,—где бы они ни находились и какую бы работу ни выполняли, полны попрежнему готовностью совершить новые еще более необычайные военные подвиги, отстранить всякую опасность революции, откуда бы она ни угрожала.

И пусть брыцают оружием наших враги за границей, пусть произносят громкие слова и угрозы. Нам страшны они на пятый год не более, чем в предыдущие.

Всякий, кто посмел бы попытать счастья еще раз, встретит такой отпор, такую выучку, какой еще не видал мир.

Армия, дерущаяся за свою свободу, за землю, заводы и фабрики, не может быть побежденной, не может не победить.

Мих Лузгин.

Острова скорьби.

Верстах в 50 от Константинополя, на европейском берегу, есть железнодорожная станция Хадем-Кей. В сторону от линии тянется унылая и неприютная местность, пересеченная неглубокими ложбинами. По ней разбросаны одинокие домишки, торчат остовы деревянных сараев, по убочью высятся, наподобие брус-веров, груды ящиков, наполненных сваярами. В дальнем конце поля взор упирается в небольшой жидкий песок; со стороны же станции оно обведено проволочным заграждением, охраняемым часовыми. Это концентрационный лагерь, устроенный французами для остатков добровольческой армии и других беженцев, последовавших из Крыма за Врангелем. Здесь живет около 20 тысяч человек. Тут мужчины, женщины, дети, солдаты, офицеры, казаки.

У ящиков со снарядами пляшут в глаза синие шинели часовых, а по другую сторону лагеря—кряжистые фигуры конных чернокожих, французских солдат—сипаев: красные фески, обмотанные куском материи, винтовки за плечами и блестящие белки выпученных глаз.

У так давно сараи были приютом для овечьих стад; они полны еще навоза, излучающего теплый и едкий запах. Теперь в них помещаются люди. Нет ни печей, ни дров, ни уборных; нет горячей пищи, нет дезинфекции. Для людей здесь ничего больше нет, кроме этих заброшенных овечьих сараев, колючей проволоки и черных часовых с выпученными белками.

Прямо с грязных пароходов выбросили их в овечьих навоз, немых, заедаемых вшами. Так прямо в навозе и спят те, у кого нет ни одеял, ни шинелей. Так обыкновенно и ходят выпачканные до табору.

С вливающимися лицами снуют беспокойные, сметливые донцы; их больше всего в лагере. Они шумят, волнуются, спорят, готовые на все, бесшабашные в своем отчаянии...

В самих сараях, где в три этажа мастеровы самодельные нары, груды тел и скарба, развешанное женское и мужское белье, детский плач и неумолчные жалобы взрослых на свою судьбу.

Стыдливости больше не существует. Никто никого не стесняется; это лагерный неписанный закон, ибо стесняться нет уже сил; когда человек не может быть один, различие полов упраздняется самой жизнью. Вот полная рых-

лая женщина—жена купца из Мариуполя—совершенно спокойно снимает с себя кофточку, обнажая искусанные и расчесанные руки, и начинает выбирать из нее насекомых.

— Господи! Ведь не передохнут же, окаянные! — говорит она с отвращением. Выходит на улицу, долго встряхивает свою кофту.

Вшей так безмерно много, что ищут их обычно три раза в день, и вы не удивитесь больше, зная устав лагеря, если увидите казачьего полковника, спокойно снявшего свои брюки и начавшего делать то, что сейчас делала его соседка.

В лагере голодно, ибо нельзя быть сытым на выдаваемый французами паек: полфунта хлеба, полстакана консервов, столовую ложку фасоли и пол-ложечки сахара. Ощущение вечной пустоты в желудке нестерпимо. Когда в лагерь случайно попадают со станции листья бананов, они съедаются как лакомство, даже сырым. На склады с продовольствием иногда делаются налеты из-за горсти муки.

Окрестное население, проникая в лагерь, с жадной жадностью скупает и выменивает драгоценности по ростовщическим ценам. Кусок хлеба ценится на вес золота.

В довершение всего, нет самого необходимого: нет огня, на котором можно было бы приготовить хоть какое-нибудь варено. Подбирается каждая щепка, каждый сучек. Но когда ничего не остается, начинают таскать ящики из-под снарядов. Они ломаются с неуклонностью каждую ночь, несмотря на угрозы. Наконец французы принимаются стрелять по растаскивающим топливо, ранят, убивают.

Во время одного такого ночного набега на «дрова» были ранены из троих двое—подпоручик и вахмистр Егорьевского полка. Не будучи в состоянии бежать, бедняги доползли под выстрелами до канавы, в надежде укрыться в ней от пуль. Но здесь настигли их часовые и обом разрознили головы прикладами.

Таковы отношения между двумя сторонами: хозяевами и гостями, ненависть последних к первым доведена до высшего напряжения.

Несмотря на расстрелы, смеьчаки, не имеющие денег и не отвыкшие еще от еды, ухитряются из-под носа у часовых таскать снаряды, они разбирают их, вынимают оттуда черный порох и продают его на сторону, добывая таким образом «приварок» к французскому паюку. Некоторым этот «приварок»

бошелся дорого: за неумелой разборкой «челюданов» было убито несколько человек.

В довершение всех бедствий в лагере нет даже хорошей воды. Где-то в овраге течет источник, впитывающий в себя все нечистоты. Появляется, наконец, холера: десятки смертей в день.

К сараю, превращенному в лазарет, тянутся подводы с больными. Больные лежат прямо на полу, страдая, стелая, холодею.

Казак Мергунов, старик с белой бородой, отдаст богу душу. Его сын горбун, готовый вот-вот заплакать, длинными обезьяньими руками все время ставит горячие бутылки к желтым, холодным ногам отца. Рядом с Мергуновым, растянувшись на вечный покой, уже лежит мертвец с желто-зеленым, с черными подглазницами, лицом.

— Ваия! — говорит старик сыну, глядя на покойника. Скажи сестре, чтобы приняла его... Видишь, видишь, видишь, видишь — ползут с него на меня... Похолодал, должно быть...

Но мертвеца уносят только тогда, когда и сам Мергунов стал покойником, и уже с него на другого соседа переползает это страшное войско вшей.

Скорее вон, скорее вон отсюда!

По лагерю, перегибаясь от тяжести, горбун несет наскоро сколоченный из Христа-ради выключенных у французов досок гроб для старика Мергунова.

— Для кого это? — кричит голос начальника полковника (из русских).

— Для отца, господин полковник! — отвечает горбун, ставя гроб.

— Разбить сейчас-же! Всех вас не перехоронить в гробах... Эй, команда!

Гроб разбирают. Бедный горбуа уходит, трясая от рыданий.

Но не все может вывести человеческая душа. Есть предел унижению, скорби, терпению. Казаки стали бежать из лагеря. Партиями, человек по 20 и больше, уговорившись с добровольными проводниками, они потянулись в Болгарию. К тому же весь лагерь оказался вооруженным: из двух стоящих на станции вагонов, где было сложено русское оружие, из-под надзора часовых, были вытащены винтовки и пулеметы.

— Решили: Если помирать, — так уж лучше на воле! — рассказывает один из тех, кому удалось, в конце-концов, вырваться из этого ада.

— Собралось казаков 50 человек, вышли из лагеря, дерая куре к северу, на Балканы. Дело было еще зимою. Путь до Болгарии был

рассчитан на 7 дней, и на на этот срок, на последнее-последнее бельешко, купив по 2 хлеба на человека, беглецы запаслись рационом. Переходы делали по 30 верст в сутки, выбирая самые глухие места.

От 2 хлебов у каждого вскоре не осталось и крошки. Мучимые голодом, многие за кукурузную муку отдавали поселанам последние свои шинели. Когда подошли к горам и стали преодолевать засыпанные снегом Балканы, несчастные дрожали от холода в своих дырявых парусиновых гимнастерках.

Часто по грудь в снегу, карабкались они под кручами, скользя и судорожно хватаясь за выступы скал. Почерневшие в пути, оборванные, они ходили на скованце полусумасшедших нищих.

— Как французы в 12 году — со слабой улыбкой говорил казак.

Но едва у угольчиков, спускаясь в долины и складывая на всю ночь костры, 9 дней шел этот переход по горам. Трупы двух казачков, валяющихся в снегу, скрытые холодом, встретились им по пути: их предгечи, сваленные плотным холодом.

На 9 день, спускаясь вниз, в лесу казаки были окружены шайкой турок и ограблены до нитки.

А на греческой границе, когда обетованная Болгария была в 2 шагах, их заметили, окружили и, после долгих мытарств, несчастные были отправлены назад, только в другой лагерь, на остров Лемнос, перенеся впустую этот безумный путь.

Но иные пробивались. С боем вышли из Халем-Кей 280 человек, прорвав цепь чернокожих стражников. В походном порядке прошли они до греческой границы, разбили отряд греков, пытавшихся их задержать и вступили на болгарскую территорию.

Передают, что в настоящее время концентрационный лагерь под Халем-Кей упразднен; осталась одна только жуткая быль о нем, а русские беженцы переведены в другие места: на Лемнос, на Принцесы острова и еще бог весть куда.

Да не думайте ли и там, на новых местах, все та же скрбная, страшная быль, к которой я не прибавил здесь ни слова, а взял ее целиком из июльских номеров «Последних Новостей», издаваемых кадетом П. Н. Милоковым в Париже, из статей, подписанных Масановым, константиновским корреспондентом этой газеты.

«Острова скорби» — вот приют для почетных гостей Антанты. Так платит международная буржуазия своим верным солдатам.

С. Басов-Верхомяцев.

Сказ о попе Кондрате и прочей знати.

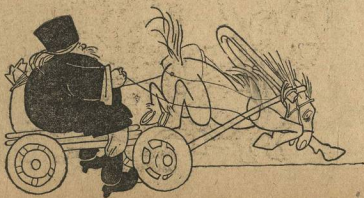

I.

Как во поле, поле,
 Во чистом поле
 Шел, прошел обозец,
 Ни мал, ни величек—
 Семеро подвод.
 На каждой подводе
 По воеводе,
 А при них холопья,
 Барское огрешье.
 Все ребята ежики,
 За пазухой ножики.
 Навстречу ребятам
 Ехал поп Кондратий
 С мешком благодати:
 — Бог на помочь, воры,
 Томаги-запоры!
 А что ни стянете,
 Попу протянете.

—А врешь же ты, батя,
 Врешь, отец Кондратий!
 Мы не воры, не разбойнички,
 Мы хозяйские работнички,
 А едем на свадьбу.
 У нас сватуха
 Нож батюшка,
 У нас свашенька
 Темень темная.

Мы ножом поведем, поведем,
 Под хозяина всю Русь подведем
 Наш хозяин Капитал,
 До неба достал.
 — Час вам добрый, дети,
 И ту свадьбу спети
 Не буду в накладе
 От вашей кладя.

БЕЛЫЙ

КОСЫЙ

КАПЕДИН, КОСЫЙ, СЕ.

КОЛЧУК

КОСЫЙ

СЕМЕНОВ, ДУТОВ, УНТЕРН,
САВЕНКОЕ И ПР. И ПР...

II.

Разинули было рот
 На русский огород
 Богатеи всех стран:
 «Вот, вот будет у нас

Русский ананас!»
 Ах, вышел изъян.
 Пошел кус,
 Да мимо уст:

Потянул Юденич по кануи,
 Глядь, сам потонул.

Корнилов и Каледиг
 Заехали в клин.

Колчак—
Вот так.

Денятин с Врангелем бароном
Тоже с уропом.

Пан—буян
Напорол жупан.

И всякому будет тож,
Кто на Красную Русь точит зож.

С. Басов—Верхояница.

О народной поэзии.

Народное поэтическое творчество в наши дни в каком-то странном загоне.

Установилось холодное невнимание, прямо пренебрежение к думам и чаяниям своего родного народа, нашедшим скромное место в маленьких песенках — четверостишиях — частушках.

Некоторые думают, что творческие силы простого народного духа иссякли, отжили, а память об их действительных днях остались старинные сказки, былины, песни, прибаутки, поговорицы, поговорки.

Грубое заблуждение.

Тайное сокровенное лицо народа найдете только в его песнях (цые частушечных) в новых сказках, прибаутках.

Верно, лицо это не едино по сути: классовое расслоение дробит его, но и в великой Октябрьской революции вместе с Интернационалом живет русский дух, национальные вклады которого в революционное действие для каждого бесспорны.

Силы есть, творчество не погасло, а растет и горит, украшая серые будни нашей деревни.

Творчество подлинное народное живо, нужно только не забывать его и любить.

1 Перед нами небольшая тетрадка наполовину
1 исписанная частушками одним любителем народ-
1 ной словесности.

Любитель этот — красноармеец.

1 Свою тетрадь он как-то, забежав в редак-
1 цию, оставил на столе сообщив, о ней не-
3 сколько слов:

3 — У меня есть еще такая же тетрадка, а
0 эту возьмите себе. Может напишете статейку
0 о народной поэзии.

3а «Частушки записывал в Московской, Ря-
20 занской и Самарской губерниях в 18, 19 и
20 году, где бывал с своей частью».

Поговорил и ушел — даже не выслушал благодарности.

В записи частушек — беспорядок. Не выделены однотипные, одно-темные.

Преобладают частушки любовного содержания. Но зато из немногих другого характера попадаются такие яркие и красочные места, такая чудная образность и простота восприятия, что просто душа радуется.

„Гасчи лет тебе звезды
славятся,
Тем же медом стругится плоть“.

Любовь. У русской крестьянской девушки она — все или очень многое.

А сколько о ней прекрасных по простоте перепевов и припевочек, рождающихся, чтоб завтра умереть.

О прекрасное женское сердце!

Вот оно плутовато-ласково-просто дает представление милому:

А ты милый
Стуки в стену,
А я выйду
Тебя истрепу.

А перед тем пишет письмо ему, любимому, но какое чувствование:

Я сидела выше крыши,
Как писала письму Мише,
Все писала тайности,
Что люблю до крайности.

Милый идет. Но как он неосторожен:

Миша идет,
Дверь колышет,
Таше, Миша, —
Мать услышит.

Зима. Наступают святки: игры, катанья. Но в это же время у многих «расплетаются русые косы». Замужество, быть-может, желан-

ное, а все же грустно, чего-то жаль. Юности:
Уходящей молодости?

Я на улице была,
На сапках каталась,
Моя русая коса
Самя расплеталась.

Вот поет парень в страшной тоске от по-
тери своей дорогой, милой:

Моя милку сватали—
Горы, доли плавали.

Печалью и глубокой скорбью звенит дру-
гой неведомый, но женский голос от той же
причины:

О черемушка, рябина!
Давай страдать заодно.

И рядом новая трагедия вечной разлуки,
безответной любви:

Ты подружка
Моя Настя,
Нет нам, нет нам
С тобой счастья.

Одной фразой, одним сочным мазком со-
здается старая знакомая картина,—и не только
это:

Гармонист, гармонист,
Рубашка зеленая,
Ни кола ни двора,
Иаба развалена.

Видно глубокое понимание души поэта гар-
мониста, влюбленного в звонкие переборы
тальянки.

Революционные годы, гражданская война,
пробудили деревню к новой жизни. Некото-
рые даже отдельные явления имеют свое вы-
ражение в частушке.

Страх жены красноармейца перед зимой,
стужей и холодами вырывает из ее уст тре-
вожные потки.

Что мне делать одинокой—
Выпадает снег глубокой.

Но скоро нашлись и помощники
и заступники. Бодро смотрит впе-
ред революционная солдатка.

Милый мой письмо пришел—
Получил отличие.
Напишу ему ответ:
Помогает мне Совет.

Новые дни пробудили у многих
новое сознание своего революцион-
ного долга.

Не шутя (дело серьезное) говорит крестьян-
нин своей дочери:

Наточка на косу, дочь,
Надо Прокхору помочь.
Дядя Прокхор мается—
Был за нас трахается.

Но и сама дочь не хуже отца знает, что
нужно делать в такие тяжелые дни и поет:

Наточка на сери острее,
Бабушка Федосья,
Я с солдатских полей
Уберу колосья.

или:

Муза нет второй уж год,
Не поднять оныме,
Ну, ребяташки, сюда
Помогай, родимые!

С легким, дышащим похвалой юмором от-
ражена в частушке «неделя крестьянина».

Замучи Пров меня просил,
А я стала Ваняша.
Он три воза навоесил
В неделю крестьянина.

Новые устои нашей Красной армии, как
видно, не мешают продолжению творчества
частушек. Красноармейская шинель,—не мун-
дир старой армии. Красноармеец—воин, револю-
ционер и труженник.

Поет и он:

И в Самарской и в Рязанской
Все равно народ хрестьянский,
Помогу я тут хрестьяне,
Там помогут моей маме.

А вот поет чуть не в окопах:

Написал письмо милушке—
Не грусти родимая,
Как барона победы,
Тайно мне поедешь в Крым.

Можно бы привести еще немало приме-
ров тому, как верно и порой
сознательно революционно отра-
жается окружающее в простой ча-
стушке.

Кроме того, из числа приведен-
ных частушек большинство носят
на себе следы безусловной худо-
жественности и красивой образ-
ности.

Чувствуется иногда даже техап-
ческая отделка, не уступающая по-
рой произведениям лучших совре-
менных поэтов.

П. С.

ПОЧТА КРАСНОАРМЕЙЦА

Тов. Васильковскому. Рассказ «Васютки и знамя» не пойдет—не выдержано. Начало интроскопично, конец скучноват.

Тов. Марсевину. «Сказка про странного Бога и попа»—очень слабо, не пойдет. Вопрос антирелигиозной пропаганды трудный и серьезный вопрос и подходить к нему так, как делаете это вы «с ковдачка», без достаточной подготовки, недопустимо. Ваш поп—сметанолоб, конечно, не есть выразитель религиозных стремлений народа (если такие существуют) и потому посрамление его никому и ничего не докажет. А о том, что попы сметану любят, это знают давно все их талантливых сказок и басен Д. Бедного. Так, что писать о том же, но скучнее и неинтереснее не годится.

Тов. Сорокину. Стихи не дурны, пойти у нас в журнале не могут—слишком еще много в них «сырых» мест, удачные строчки и выражения чередуются со слабыми и порой непонятными выражениями:

— «а на плечах *лежит* шинель»—лежит из плечах—это не годится.

«Обнимут руки горячо,
Перрон шинелями затынет».

Что затынет перрон шинелями, или кто затынет перрон—не ясно, не хорошо.

«Рабочих к сердцу черных
стен,
Сваликаешь с запада, с по-
тудня».

Не понятно.
Есть и удачные места, например, в стих. «Городу».

«Вонзая красные клыки
Фабричных труб с косматой
гровкой»

„В небесный цинк ты шлешь гудк“
„На зорях буйный и игривый.“

Это хорошо, есть сила, образность, пишете, избегайте неясностей.

Тов. Бальскому. Вы себя именуете пролетарским поэтом, мы с этим не согласны. В таком случае и М. Лермонтова тоже надо причислить к пролетарским поэтам, так как вы берете 4 строки у него и добавляете одну свою, так написана вся ваша «Повесть коммунара». Не годится; дорогой товарищ, бросьте стихи, займитесь каким-нибудь полезным делом.

Тов. Любомудрову. „Мы идем“ взято частью из М. Горького, частью из Гастева—скучно, не пойдет.

Тов. Быкову. „На память железному“ напоминает стихотворные упражнения детей среднего возраста.

— А давай стихи про тетю напишем!
— А давай про кучера Ивана!

Так и у вас, а давай про железком напишу. Сел, раз, раз и готово. Не пойдет. Слабо. Басни тоже слабы. Длинно, скучно и непонятно.

Тов. Татарову. Ваша длинная поэма без названия очень скучна. Написана неумело. В том, что войны ведущиеся в угоду царей, дело злое и проклятое, писалось очень много и порой очень сильно, возьмите хотя бы романы А. Барбюса, поэму В. Маяковского—«Война и Мир».

Тов. Романову. Присылайте, если подойдет, поместим, а сказать заранее, не читая ваших произведений, будете ли вы у нас постоянно сотрудничать, невозможно.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
С. Обрадович. Россия. Поэма	1
Н. Горлов. Четыре года	4
Н. П. Гражданская война	6
Н. Надежди. Наша экономическ. политика	8
Ф. Андерс. Октябрьские сонеты	10
Б. Верхоустинский. Возвращенный дворец	11
Николай Колоколов. Стихи	15
М. Барсуков. В пелках. Рассказ	16
Н. Колоколов. Стихи	20
Ш. Викторов. Красная Армия на рубеже 5-го года пролетарск. диктатуры	21
В. Александровский. Из поэмы „Будни“	29
Мих. Лузгин. Чудо нашего времени	29
С. Б. Острова скорбя	32
С. Басов-Верхойцев. Сказ о поле Кондрате и прочей знати	34
П. С. О народной поэзии	38
Почтовый ящик	40

На второй странице обложки тов. КАЛИНИН о красном воине.

От редакции.

С 1-го января 1922 г. журнал „Красноармеец“ будет выходить в увеличенном объеме, с значительно расширенной программой. К журналу будут даваться ежемесячные приложения, в том числе 5 книг „Хрестоматии Красноармейца“.

Товарищи, присылайте в редакцию свои произведения (рассказы, стихи, повести, пьесы и воспоминания); все интересное и ценное будет напечатано.

Письма красноармейцев с печатью военного учреждения или части на почте принимаются бесплатно.

Пишите, товарищи, по адресу: Москва, Пречистенка, Мертвый пер. д. 10, в редакцию журнала „Красноармеец“.

КРЕМЛЬ В ОКТЯБРЕ.

Напечатано 100.000 экз. (Р. В. П. Москва). № 74.

1-й Образец, гильдия М. С. Н. Х., Петербург, 71.

Издатель: Отдел Всен. Литературы при Реввоенсов. Республики.

Редактор: Редакционная Коллегия.